

ИНСТИТУТ СТРАТЕГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ КАВКАЗА

КАВКАЗ & ГЛОБАЛИЗАЦИЯ

Журнал
социально-политических и экономических исследований

Конфликты на Кавказе:
история, современность и перспективы урегулирования

Специальный выпуск

Том 6
Выпуск 1
2012

CA&CC Press®
ШВЕЦИЯ

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ

ИНСТИТУТ СТРАТЕГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ КAVKAZA

Номер регистрации: М-770
Министерство юстиции Азербайджанской Республики

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ

CA&CC Press®

Швеция

Номер регистрации: 556699-5964

Номер регистрации журнала: 1218

Редакционный совет

Эльдар ИСМАИЛОВ	Председатель редакционного совета (Баку) Тел/факс: (994 – 12) 497 12 22 E-mail: elis@tdb.baku.az
Кенан АЛЛАХВЕРДИЕВ	Ответственный секретарь (Баку) Тел.: (994 – 12) 596 11 73 E-mail: kenan.allakhverdiev@gmail.com
Азер САФАРОВ	Представитель журнала в России (Москва) Тел.: (7 – 495) 937 77 27 E-mail: a.safarov@ibam.ru
Нодар ХАДУРИ	Представитель журнала в Грузии (Тбилиси) Тел.: (995 – 32) 99 59 67 E-mail: undp@parliament.ge
Айча ЭРГЮН	Представитель журнала в Турции (Анкара) Тел.: (+90 – 312) 210 59 96 E-mail: ayer@metu.edu.tr

Редакционная коллегия

Назим МУЗАФФАРЛИ (ИМАНОВ)	Главный редактор (Азербайджан) Тел.: (994 – 12) 510 32 52 E-mail: n.muzaffarli@gmail.com
Владимир ПАПАВА	Заместитель главного редактора (Грузия) Тел.: (995 – 32) 24 35 55 E-mail: papavavladimer@gfsis.org
Акиф АБДУЛЛАЕВ	Заместитель главного редактора (Азербайджан) Тел.: (994 – 12) 596 11 73 E-mail: akifabdulla@gmail.com

Члены редколлегии:

Мустафа АЙДЫН	Ректор Университета им. Кадира Хаса (Турция)
Заза АЛЕКСИДЗЕ	Доктор исторических наук, профессор, Член-корреспондент Национальной академии наук Грузии, руководитель научного отделения Института рукописей имени Корнели Кекелидзе (Грузия)
Ирина БАБИЧ	Доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела Кавказа Института этнологии и антропологии РАН (Россия)
Дуглас БЛУМ	Профессор, заведующий кафедрой политических наук Провиденс колледжа (США)
Джеймс ВЕРЧ	Профессор Вашингтонского университета в Сент-Луисе, директор программы международных и региональных исследований (США)
Шамседдин ГАДЖИЕВ	Доктор экономических наук, профессор, ректор Азербайджанского государственного экономического университета (Азербайджан)
Джамиль ГАСАНЛЫ	Доктор исторических наук, профессор Университета «Хазар» (Азербайджан)
Арчил ГЕГЕШИДЗЕ	Кандидат географических наук, ведущий эксперт Грузинского фонда стратегических и международных исследований (Грузия)
Парвин ДАРАБАДИ	Доктор исторических наук, профессор Бакинского государственного университета (Азербайджан)
Стефен ДЖОНС	Профессор, эксперт по исследованиям России и Евразии колледжа Монт Холуоки (США)
Станислав ЖУКОВ	Доктор экономических наук, старший научный сотрудник Института мировой экономики и международных отношений РАН (Россия)
Рауф КАРАГЕЗОВ	Кандидат психологических наук, ведущий научный сотрудник Центра стратегических исследований при Президенте Азербайджанской Республики (Азербайджан)
Сванте КОРНЕЛ	Профессор, директор по исследованиям Института Центральной Азии и Кавказа при Университете им. Джонса Хопкинса (США)
Эльмир КУЛИЕВ	Директор Департамента геокультуры Института стратегических исследований Кавказа (Азербайджан)
Роджер МАКДЕРМОТТ	Ведущий специалист отдела политики и международных отношений Кентского университета Кентербери; ведущий специалист по евразийским проблемам в военной области в рамках программы «Евразийские исследования» Фонда Джеймстауна, Вашингтон (Великобритания)
Акира МАЦУНАГА	Доктор, эксперт по Центральной Азии и Кавказу, ведущий специалист Фонда мира «Сасакава» (Япония)
Роин МЕТРЕВЕЛИ	Доктор исторических наук, профессор, академик Национальной академии наук Грузии, президент Национального комитета грузинских историков (Грузия)
Фуад МУРШУДЛИ	Кандидат экономических наук, советник президента Международного Банка Азербайджана (Азербайджан)
Майкл А. РЕЙНОЛЬДС	Адъюнкт-профессор кафедры исследований Ближнего Востока Принстонского университета (США)
Александр РОНДЕЛИ	Профессор, президент Фонда стратегических и международных исследований Грузии (Грузия)
Мехди САНАИ	Профессор Тегеранского университета, директор центра по изучению России (Иран)
Автандил СИЛАГАДЗЕ	Доктор экономических наук, профессор Тбилисского университета международных отношений, Член-корреспондент Национальной академии наук Грузии (Грузия)
Фредерик СТАРР	Профессор, директор Института Центральной Азии и Кавказа при Университете им. Джонса Хопкинса (США)
Джаннатхан ЭЙВАЗОВ	Заместитель директора Института стратегических исследований Кавказа (Азербайджан)
Мурад ЭСЕНОВ	Доктор политических наук, главный редактор журнала социально-политических исследований «Центральная Азия и Кавказ» (Швеция)
Алла ЯЗЬКОВА	Доктор исторических наук, профессор, руководитель Центра «Средиземноморье-Черноморье» Института Европы Российской академии наук (Россия)

Материалы, публикуемые в журнале, не обязательно отражают точку зрения Редакционного совета и Редколлегии

Адрес редакции:

КАВКАЗ & ГЛОБАЛИЗАЦИЯ
AZ1009, Баку, Азербайджан
ул. Аловсата Гулиева, 98
ВЕБ САЙТ: www.ca-c.org

© «Кавказ & Глобализация», 2012
© CA&CC Press®, 2012
© Институт стратегических исследований Кавказа, 2012

**«КАВКАЗ
&
ГЛОБАЛИЗАЦИЯ»**

Журнал
социально-политических и экономических исследований
Том 6 Выпуск 1 2012

Конфликты на Кавказе:
история, современность и перспективы урегулирования
Специальный выпуск

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	<i>Назим МУЗАФФАРЛИ</i>	7
-------------	-----------------------------	---

ГЕОПОЛИТИКА

РЕГИОНАЛЬНАЯ СИСТЕМА БЕЗОПАСНОСТИ НА ЦЕНТРАЛЬНОМ КАВКАЗЕ: ПОЛИТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА И КОНФЛИКТЫ	<i>Джаннатхан ЭЙВАЗОВ</i>	8
СИЛА ПРАВА И «ПРАВО СИЛЫ» В МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ	<i>Камран ШАФИЕВ</i>	24
КОНФЛИКТЫ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ: КАЗУС АБХАЗИИ	<i>Алла ЯЗЬКОВА</i>	36

ВОПРОС О ЛЕГИТИМНОСТИ СОЗДАНИЯ «НАГОРНО-КАРАБАХСКОЙ РЕСПУБЛИКИ» В СООТВЕТСТВИИ С ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ СССР	<i>Пшемыслав АДАМЧЕВСКИЙ</i>	45
РОЛЬ И ПРОБЛЕМЫ ВЕЛИКИХ ДЕРЖАВ В КОНФЛИКТАХ НА КАВКАЗЕ	<i>Ханс-Иоахим ШПАНГЕР</i>	55
«ГРИФЫ» НАРОДОВ КАВКАЗА	<i>Григорий ТРОФИМЧУК</i>	65

ГЕОЭКОНОМИКА

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ РОССИЙСКО-ГРУЗИНСКОГО КОНФЛИКТА	<i>Владимир ПАПАВА</i>	70
ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ ЗАТЯЖНЫХ КОНФЛИКТОВ: АБХАЗИЯ, ЮЖНАЯ ОСЕТИЯ И СНИЖЕНИЕ УРОВНЯ НАСИЛИЯ	<i>Джулия ПРЕЛЬЦ ОЛЬТРАМОНТИ</i>	82
ЮЖНОКАВКАЗСКИЙ ЭНЕРГЕТИЧЕСКИЙ ТРАНЗИТ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ	<i>Александр КРЫЛОВ</i>	93

ГЕОКУЛЬТУРА

О БУДУЩЕМ РЕЛИГИИ НА ЦЕНТРАЛЬНОМ КАВКАЗЕ: ОТ РАЗВАЛА СССР ДО «НОВОЙ КАВКАЗСКОЙ ПОЛИТИКИ»	<i>Эльмир КУЛИЕВ</i>	102
АБХАЗО-ГРУЗИНСКИЙ КОНФЛИКТ: ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ ВЗАИМОСВЯЗЕЙ	<i>Любовь СОЛОВЬЕВА</i>	128

ГЕОИСТОРИЯ

«ИРАНСКАЯ ЭПОПЕЯ» БОЛЬШЕВИКОВ И УГЛУБЛЕНИЕ КОНФЛИКТА НА ЮЖНОМ ПОБЕРЕЖЬЕ КАСПИЯ (1920—1921 ГГ.)	<i>Джамиль ГАСАНЛЫ</i>	137
ЭВОЛЮЦИЯ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ ИНТЕРЕСОВ И ПРИОРИТЕТОВ РОССИИ В ЗАКАВКАЗЬЕ	<i>Олег КУЗНЕЦОВ</i>	166

ГЕОКУЛЬТУРА**Эльмир КУЛИЕВ**

*Кандидат философских наук,
директор департамента геокультуры
Института стратегических исследований Кавказа
(Баку, Азербайджан).*

**О БУДУЩЕМ РЕЛИГИИ
НА ЦЕНТРАЛЬНОМ КАВКАЗЕ:
ОТ РАЗВАЛА СССР
ДО «НОВОЙ КАВКАЗСКОЙ ПОЛИТИКИ»****Р е з ю м е**

В статье анализируются религиозные и религиозно-политические процессы в Азербайджане, Грузии и Армении после провозглашения независимости. С опорой на обширный фактический материал оценивается влияние религии на политические и социокультурные процессы на национальном

и региональном уровне с акцентом на особенности реализации принципа отделения религии от государства в каждой из трех стран. Описаны возможные сценарии развития государственно-конфессиональных отношений и их взаимосвязь с политической ситуацией в регионе.

В в е д е н и е

Вклинившийся между Европой и Азией, между восточно-христианской цивилизацией и исламским миром, Центральный Кавказ (ЦК)¹ объединяет десятки народов и этно-

¹ Согласно структуризации Кавказского региона, предложенной азербайджанским ученым, директором Института стратегических исследований Кавказа Э. Исмаиловым, Азербайджан, Грузию и Армению

сов, говорящих на разных языках и исповедующих разные религии. Такие похожие друг на друга и одновременно такие разные, эти народы научились уживаться в непрекращающемся соперничестве за самоутверждение и превосходство, в постоянном стремлении добиться политической стабильности и укрепить военно-политические и торгово-экономические связи с сильными государствами-соседями. На современном этапе политический истеблишмент Азербайджана, Грузии и Армении ищет союзника в лице Соединенных Штатов и стремится вырваться из геополитического фарватера России. «Пробить окно» в Европу — определяющий вектор во внешней политике трех независимых государств. Однако решение этой задачи осложняется как политическим соперничеством между ними, так и пересечением на Кавказе интересов многих государств, находящихся по разные стороны цивилизационных «разломов». России сохранение геополитического влияния на Центральном Кавказе необходимо прежде всего для поддержания собственной территориальной целостности и для обоснования своих притязаний на статус мировой державы. Соединенные Штаты и их западноевропейские партнеры рассматривают ЦК как транспортный коридор, связывающий Европу с Центральной Азией и разрушающий транзитную монополию России. Для Ирана и Турции борьба за геополитическое влияние в регионе — это не только продолжение многовекового соперничества за лидерство в мусульманской умме, но и способ повысить свой удельный вес в глобальных проектах.

Великодержавное соперничество за «Евразийские Балканы» (по меткому выражению З. Бжезинского) обостряется потенциальной вовлеченностью региона в передел политической карты «Нового Ближнего Востока». Источник внутренней напряженности на Кавказе — переплетение этнических противоречий и исторических обид, выливающих в территориальные притязания. Страсти подогреваются и межконфессиональными различиями, которые придают особый оттенок этническим конфликтам и влияют на расклад геополитических сил.

Религиозная составляющая традиционно присутствует в политических процессах на Кавказе и в отдельные периоды истории преобладает над этническим фактором и экономическими интересами. Так, после воцарения в Кавказской Албании царя Вачагана III Благочестивого (487—510) «ожесточенная и бескомпромиссная борьба» с зороастризмом и язычеством использовалась для сплочения народа вокруг Албанской церкви². В XV—XVI веках религиозный фактор сыграл особую роль в судьбе тюркских племен Азербайджана, которые объединились под шиитскими лозунгами и способствовали воцарению династии Сефевидов. Христианство наложило сильный отпечаток на политические предпочтения грузинских правителей, которые в борьбе против соседних мусульманских государств легко склонялись к союзам сначала с Византией, а потом — с Россией. Армянские поселенцы на Кавказе опирались на религиозную близость с русскими для проникновения в административные органы и для получения военной поддержки, используя имперские ресурсы в соответствии с их собственной этнокультурной доминантой³.

На современном этапе влияние религиозного фактора на внешнеполитический курс государств ЦК мало ощутимо, хотя политики используют его для лоббирования государственных интересов в региональных и международных организациях. Этнические конф-

правильно относить к Центральному, а не к Южному Кавказу. Соответственно, граничащие с этими тремя государствами или Турции образуют Юго-Западный Кавказ, а северо-западные останы Ирана — Юго-Восточный Кавказ. Такой подход оправдывает модель политической и экономической интеграции Кавказа в формате «три плюс три» с включением в него трех государств Центрального Кавказа, а также соседних региональных держав — России, Турции и Ирана (об этом подробнее см.: *Исмаилов Э.* Новый регионализм на Кавказе: концептуальный подход // Кавказ и глобализация, Том 1 (1), 2006. С. 7—26).

² См.: *Иеромонах Алексей (Никоноров)*. История христианства в Кавказской Албании [<http://baku.eparhia.ru/history/albania/christianity/vachagan> 111/].

³ См.: *Лурье С.В.* Историческая этнология [http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Lyrie/67.php].

ликты в Нагорном Карабахе и в Абхазии, несмотря на усилия внешних сил, тоже не получили религиозной окраски. Вместе с тем после распада Советского Союза характер религиозности в регионе претерпел существенные изменения, а удельный вес религиозных факторов во внутривосточных процессах заметно возрос. Кроме того, последние два десятка лет религия используется внешними силами как средство распространения политического и культурного влияния в странах ЦК. Одним словом, значение религии для будущего региона не следует недооценивать. В данной статье мы изучим характер религиозных процессов в государствах ЦК, оценим их влияние на региональные политические и экономические проекты, а также на развитие социокультурных и политических связей ЦК с субъектами мировой и региональной политики.

Государственно-конфессиональные отношения: двадцать лет религиозной свободы

После обретения суверенитета все три государства ЦК избрали светский путь развития, провозгласив демократические принципы. Однако в начале 1990-х годов ориентиры их независимого развития оставались неясными. Интенсивная трансформация общественных идеалов привела к социокультурной неопределенности и разнузданному вольнодумству. «Советский» человек переживал кризис идентичности: большинство социальных категорий, посредством которых он определял себя и свое место в обществе, казалось, утратили свои границы и свою ценность⁴. Отказ от коммунистического мироощущения, в котором религиозная этика была подменена «естественными» нормами поведения, вылился в стремительное распространение религиозных и квазирелигиозных учений. Общественное порицание атеизма было настолько ощутимым, что политики и общественные деятели, порой вопреки своим атеистическим взглядам, вынужденно отдавали дань почтения религиозной традиции. С другой стороны, либерализация социально-экономических отношений обнажила «одиночество» человека в современном мире и спровоцировала распространение морального нигилизма, бросившего вызов религии как мироощущению. Неспособность правящих элит объединить граждан вокруг единой культурно-политической доминанты привела к атомизации общества. Формированию крупных этнокультурных общностей препятствовал также интенсивный глобальный обмен, в который ЦК оказался вовлечен на рубеже столетий. Одним словом, постсоветские общества вступили в фазу социального расслоения, в которой отношение к религии играло не последнюю роль. Традиционные религиозные институты получили исторический шанс вернуть утраченное влияние и сыграть важную роль в национальном строительстве. Но перспективы «открытого общества» и свободного соперничества с другими конфессиями были восприняты традиционалистским духовенством как угроза его социальному положению и религиозной самобытности. Опасающееся перемен и неготовое к открытому диалогу, духовенство предпочло роль легитимной опоры национальных традиций и в таком статусе нашло поддержку значительной части общества.

Между тем социальное пространство постсоветских государств выглядело привлекательным для нетрадиционных течений, синкретических и универсалистских сект, психотерапевтических и неоязыческих культов. Пользуясь недоверием части общества к официальному духовенству и его несоответствием изменившимся социокультурным ус-

⁴ См.: Андреева Г.М. Психология социального познания. М.: Аспект Пресс, 2000. С. 187.

ловиям, нетрадиционные течения строят свою проповедь на социальном и религиозном протесте. Весьма контрастные по своему религиозному содержанию и социальным установкам, они отличаются от доминирующих вероисповеданий и отношением к существующему общественно-политическому порядку, и высоким уровнем богоискательской и социальной активности. Интенсивно воздействуя на личность, они позволяют своим adeptам испытать прилив положительных эмоций, приобрести уверенность в собственных силах, разорвать связь с «прошлой жизнью», избавиться от наркотической зависимости, от вредных привычек и т.п. Посюсторонность проблем, которые решают новационные течения, и методов, которыми они пользуются, дает им преимущества перед доминирующими традициями, которые, охраняя существующий порядок, призывают к терпению и смирению. Особенно привлекательными для молодежи являются либеральные протестантские церкви, легко приспосабливающиеся к меняющимся условиям, допускающие релятивизм в отношении многих этических норм и сочетающие религиозное служение с элементами массовой культуры.

На рубеже столетий противостояние традиционной и нетрадиционной религиозности породило дискуссии о значении духовных традиций, о пределах свободы вероисповедания, об опасностях культурной глобализации и т.д. В настоящее время государства ЦК ищут способы смягчить конфронтацию между официальным духовенством и нетрадиционными течениями, стремясь легитимировать гегемонию первых и снизить протестную активность вторых. В связи с этим отношение к нетрадиционным верованиям остается своеобразным индикатором демократических преобразований в обществе, а анализ общих тенденций межконфессионального взаимодействия в Азербайджане, Грузии и Армении может быть полезным для прогнозирования политического и социокультурного развития региона в целом.

Азербайджан: светскость против «политического ислама»

В Азербайджане власти равно дистанцируются от всех конфессиональных групп и религиозных объединений. Закон «О свободе вероисповедания» (принят в 1992 г., в последний раз пересмотрен в 2009 г.) не допускает вмешательства государства во внутренние дела общин и перепоручения им функций какой-либо из ветвей власти. Религиозные деятели не имеют права заниматься политической деятельностью или финансировать политические партии, а в случае избрания или назначения служителя культа на государственную должность его деятельность в качестве духовного лица приостанавливается. Строгая приверженность светской модели государственного устройства предполагает реализацию свободы совести и вероисповедания с учетом многообразия религиозных форм и обеспечивает благоприятные условия «для позитивного и неконфликтного развития религиозной жизни в стране и укрепления стабильности азербайджанского общества»⁵.

В 1990-х годах либеральность законодательства в религиозной сфере и невмешательство государства способствовали проникновению в Азербайджан миссионерских организаций разной направленности и бурному росту интереса к культовой практике. Руководимые из зарубежных центров и зачастую поддерживаемые на дипломатическом уровне, некоторые общины проповедовали взгляды и идеи, дезинтегрировавшие социаль-

⁵ Мехтиева Р. На пути к демократии: размышляя о наследии. Баку: Şərq-Qərb (Восток — Запад), 2007. С. 585.

ную структуру общества. Государство, занятое разрешением экономических и социальных проблем, вызванных развалом союзной экономики и армянской оккупацией, терпимо относилось к бытовым конфликтам на религиозной почве и пресекало только попытки злоупотребления религиозной свободой со стороны политических сил, тоталитарных сект и экстремистских группировок⁶. Точнее, реакцией властей на процесс «религиозного возрождения» стала выжидательная позиция, позволившая религиозным течениям реализовать свой скрытый потенциал и продемонстрировать свою совместимость (или несовместимость) с социокультурной средой.

В последние годы ситуация существенно изменилась и в религиозной политике властей четко обозначились основные приоритеты — создание условий для удовлетворения духовных нужд общества, обеспечение межконфессионального согласия и защиты религиозной сферы от деструктивных внешних влияний. Прилагаются усилия для организации массового религиозного просвещения и конкурентоспособного профессионального образования. И хотя на сегодняшний день достигнутые результаты далеки от желаемых, государство стремится придать религиозным процессам созидательный характер. С этой целью в Закон «О свободе вероисповедания» были внесены изменения, согласно которым мусульманскими религиозными обрядами и церемониями могут руководить только граждане Азербайджана, получившие религиозное образование внутри страны. Прогрессивным шагом стала выдача в августе 2009 года Бакинскому исламскому университету (основан в 1991 г. как Бакинский исламский институт, в 1997 г. переименован в университет) лицензии на ведение образовательной деятельности в сфере высшего профессионального образования. Благодаря этому прием студентов и магистрантов в вуз осуществляется на основе единого тестового экзамена, проводимого Госкомиссией по приему студентов, а выпускники получают дипломы государственного образца.

Подчеркивая значимость исторически сложившихся в стране традиций веротерпимости, власти демонстрируют готовность сотрудничать со всеми традиционными религиями. Это выражается в регулярных обращениях главы государства к религиозным общинам по случаю мусульманских, христианских и иудейских праздников, в финансировании государством и Фондом Гейдара Алиева проектов по реконструкции и реставрации культовых сооружений, в создании благоприятных условий для поддержания культурной, языковой и религиозной самобытности этнических меньшинств. Вместе с тем особенности конфессиональной палитры требуют от властей повышенного внимания к проблемам мусульман, составляющих примерно 96% населения.

Мусульманские общины, прошедшие государственную регистрацию, объединяются под началом Управления мусульман Кавказа (УМК). Созданная в 1872 году указом российского императора, в Законе «О свободе вероисповедания» данная структура получила статус «исторического центра» мусульман страны. Такое положение вещей вызывает критику со стороны некоторых религиозных деятелей и правозащитников, считающих духовный центр мусульман пережитком имперской системы, не отвечающим требованиям времени⁷. Однако последние поправки к названному закону, принятые в июне 2011 года, лишь укрепили позиции религиозного центра мусульман: отныне религиозные об-

⁶ Сюда можно отнести, например, аннулирование в 1995 году государственной регистрации Исламской партии Азербайджана. В мае 1996 году ее лидеры были арестованы, а в апреле 1997 года осуждены за сотрудничество с иранскими спецслужбами. В апреле 1996 года была пресечена сепаратистская деятельность гражданина России, призывавшего к созданию в пограничной между Азербайджаном и Дагестаном зоне лезгинского исламского государства. В 2000 году были арестованы лидеры исламской экстремистской группировки «Джейшуллах» (Армия Аллаха), впоследствии осужденные за целый ряд тяжких преступлений.

⁷ См.: Интервью председателя Центра по защите свободы совести и вероисповедания DEVAMM И. Ибрагимову агентству Новости — Азербайджан от 9 сентября 2008 года [<http://www.newsazerbaijan.ru/exclusive/20080909/42476974.html>].

щины исламской направленности не только регистрируются на основании письменного представления УМК, но и начинают функционировать лишь после назначения руководителя со стороны данной структуры (ст. 12).

УМК, несмотря на неоднозначное отношение к нему в обществе, вносит заметный вклад в поддержание межрелигиозного согласия в регионе. Председатель УМК шейхуль-ислам А. Пашазаде уже более пятнадцати лет использует возможности народной дипломатии в деле урегулирования армяно-азербайджанского конфликта и ратует за активное участие религиозных лидеров в миротворческих процессах. В апреле 2008 года он совместно с ныне покойным Патриархом Московским и всея Руси Алексием II выступил за создание Консультативного совета религий при ООН, который обеспечивал бы эффективное взаимодействие религиозных объединений и миротворческих структур.

Однако авторитет шейхуль-ислама А. Пашазаде на международной арене не компенсирует низкую активность возглавляемой им структуры внутри страны. Органы исполнительной власти и судебные инстанции не всегда прислушиваются к мнению УМК при принятии решений, касающихся интересов мусульманского сообщества. Об этом свидетельствуют, например, судебные постановления о сносе двух недостроенных мечетей в Сураханском и Ясамальском районах г. Баку, получившие критическую оценку со стороны шейхуль-ислама на XII съезде УМК в августе 2009 года⁸. Для изменения такого положения руководство УМК в последнее время стало уделять гораздо большее внимание религиозному просвещению, проводить в жизнь более эффективную кадровую политику и привлекать молодых специалистов-теологов, пользующихся авторитетом среди религиозной общественности.

Оппозицию официальному исламу составляют шиитские общины проиранской направленности, ортодоксально настроенные сунниты-салафиты, нурсисты — последователи курдско-турецкого богослова Саида Нурси (ум. в 1960), а также суфийские тарикаты. Среди последних заметную активность проявляют в столице и в ряде регионов страны последователи накшбандийского шейха Османа Нури Топбаша (Турция), а в северных и северо-западных областях — последователи аварского шейха Саида-эфенди Чиркеевского (Дагестан), преподающего по тарикатам накшбандийа, шазилийа и джазулийа. Малочисленные члены движения «Джамаат таблиг», в середине 1990-х годов активно призывавшие к духовному освобождению и аскетизму, сегодня практически не влияют на религиозный фон в стране.

Среди нетрадиционных течений неисламской направленности наибольшую активность проявляют протестантские церкви (баптисты, адвентисты, пятидесятники, Свидетели Иеговы), Римско-Католическая Церковь, Движение сознания Кришны, община последователей веры бахаи⁹. Прозелитическая деятельность протестантских и неиндуист-

⁸ См.: Зеркало, 13 августа 2009.

⁹ Дружественные отношения между руководством УМК, Бакинской и Прикаспийской епархии и общиной горских евреев Азербайджана способствовали формированию расхожего мнения о том, что для Азербайджана традиционными являются шиитский (джафаритский) и суннитские (шафиитский и ханафитский) мазхабы, православие и иудаизм. После официального визита Папы Римского Иоанна Павла II в Азербайджан (22—23 мая 2002 г.) к ним стали причислять и Римско-Католическую Церковь, которой в последние годы оказывают большое внимание. Вместе с тем на право называться традиционными претендуют и некоторые протестантские церкви (баптисты, лютеране), которые, равно как и католики, стали проникать в Азербайджан в XIX веке. Кроме того, исторически на территории Азербайджана проживали последователи Албанской Апостольской Церкви, чьи религиозно-культурные традиции поддерживаются удинами. Почти два столетия в Азербайджане проживают общины молокан — «духовных христиан», которые были расселены в Закавказье в 1830-х годах по указу императора Николая I. Вера бахаи распространяется в Азербайджане практически с того момента, как в 1863 году Мирза Хусайн 'Али (Бахаулла) провозгласил себя «Обетованным». В данной статье мы причисляем эти религиозные группы к числу нетрадиционных по тому признаку, что они являются носителями особой формы религиозности, отличающейся от той, которая преобладает в обществе на современном этапе.

ких течений, как правило, беспокоит общественность страны¹⁰. И хотя их адепты не подвергаются общественному ostracismу, неприятие ими национальных культурных и духовных традиций нередко становится причиной социальных конфликтов. Непримируемое противоречие с доминирующей социокультурной парадигмой больше всего проявляется в солидарности некоторых христианских групп с армянами, как с «братьями по вере», и в их особом отношении к вооруженному конфликту с Арменией¹¹.

За последние два десятилетия нетрадиционные и независимые религиозные общины сумели значительно расширить свою социальную базу. В то время как официальное духовенство не прилагало больших усилий для духовного оздоровления и объединения нации, независимые миссионеры, среди которых немало граждан Азербайджана, получивших религиозное образование за рубежом, с большим энтузиазмом занимались и продолжают заниматься прозелитизмом. Не имея поддержки со стороны государства и официальных религиозных лидеров, они время от времени сталкиваются с трудностями правового и организационного характера, которые, однако, только увеличивают их популярность среди протестной части общества и приумножают число «сочувствующих».

Противоречивость нынешней ситуации в том, что независимые миссионеры, пользуясь свободой вероисповедания и сложившейся атмосферой веротерпимости, практически не несут ответственности за социальные последствия своей проповеди. И если в середине 1990-х годов обеспокоенность вызывали только семейные или производственные конфликты, то в последние годы участились попытки использовать религиозные убеждения для организации преступной деятельности. 17 августа 2008 года в мечети «Джума» Наримановского района г. Баку (больше известной как мечеть «Абу Бакр») произошел кровавый теракт, унесший жизни двух граждан Азербайджана. Реакция властей была незамедлительной: в судебном порядке была приостановлена деятельность мечети «Абу Бакр», главного очага идеологического противостояния между «умеренными» салафитами во главе с имамом мечети Г. Сулеймановым и радикальным крылом суннитского сообщества — хариджитами. В целях профилактики религиозной нетерпимости власти пошли на решительные меры по пресечению любых нарушений законодательства в сфере свободы вероисповедания. Ужесточение контроля над религиозной ситуацией привело к сносу двух «незаконно построенных» мечетей и вызвало широкий общественный резонанс. Попытки исполнительной власти Сураханского района г. Баку снести еще одну строящуюся мечеть в пос. Ени Гюнешли, не прекращавшиеся без малого год, в итоге вызвали возмущение ряда влиятельных духовных лидеров соседнего Ирана, после чего глава УМК был вынужден принять строящуюся мечеть в ведение возглавляемой им структуры¹².

В 2009—2011 годах Милли меджлис Азербайджана принял поправки к Закону «О свободе вероисповедания», целью которых было минимизировать зарубежное влияние на религиозную жизнь в стране и ужесточить меры наказания за незаконную религиозную деятельность. Серьезные изменения были также внесены в Уголовный кодекс и в Кодекс об административных правонарушениях. Однако проблемы в религиозной сфере остались, подтверждением чего стал арест накануне конкурса «Евровидение — 2012» чле-

¹⁰ Как отмечается в отчете Государственного департамента США о состоянии свободы вероисповедания в Азербайджане за 2008 год, в обществе существует предубеждение в отношении лиц, изменивших свое вероисповедание, а также в отношении миссионерской активности проиранских и «ваххабитских» группировок, которая рассматривается как угроза политической стабильности и межрелигиозному согласию в стране (см.: Bureau of Democracy, Human Rights, and Labor, U.S. Department of State. International Religious Freedom Report 2008: Azerbaijan (2008) [<http://www.state.gov/g/drl/rls/irf/2008/108435.htm>]).

¹¹ См.: *Quluzadə M.* Dinimizi qorumaq hamımızın borcudur // Dövlət və din. İctimai fikir toplusu, 2008, № 1 (5). S. 54 (*Гулузadə M.* Защита религии — долг каждого // Государство и религия. Сборник, 2008, № 1 (5). С. 54).

¹² См.: Mediaforum.az от 17 мая 2010 года [<http://www.mediaforum.az/az/2010/05/17/PREZİDENTİN-FATİMEYİ-ZƏHRƏ-MƏSCİDİ-İLƏ-BAĞLI-TAPŞIRIĞINA-045321821c00.html>].

нов вооруженной группировки, подозреваемой в организации серии террористических актов, в том числе в мечетях и местах поклонения¹³. Это привело к отставке председателя Государственного комитета по работе с религиозными объединениями И. Оруджева, вместо которого был назначен Э. Искендеров — опытный политик и дипломат, хорошо знакомый с исламским миром.

В таких условиях формат будущих государственно-конфессиональных отношений в Азербайджане до конца не ясен. Власти демонстрируют готовность к диалогу со всеми религиозными объединениями, проявляющими лояльность светским принципам государственного строительства и уважающими духовно-нравственные традиции народов Азербайджана. Вместе с тем у руководства страны есть отчетливое понимание того, что вероисповедная политика государства и расширение связей с ведущими конфессиями не должны ущемлять права отдельных граждан на свободу совести и вероисповедания. Поэтому отношение властей к независимым и нетрадиционным общинам остается сдержанным и адекватным. На сегодняшний день с большой долей уверенности можно предположить, что возврата к религиозной вседозволенности конца прошлого века в Азербайджане не будет. Либерализация религиозной сферы может привести к усилению независимых мусульманских общин, от которых в последние годы не раз «отпочковывались» радикальные группировки. Кроме того, это может повлечь превращение мусульманских объединений в религиозно-политические общности и увеличение их удельного веса в политической жизни. Это, в свою очередь, неминуемо приведет к росту влияния Ирана и Турции и ослаблению позиций России, Запада и Израиля, которые вряд ли удовлетворятся ролью сторонних наблюдателей. Отсюда вполне обоснованные опасения того, что политизация ислама в Азербайджане приведет к политической дестабилизации во всем регионе.

С другой стороны, маловероятно, что руководство Азербайджана сделает ставку на ограничение религиозных свобод, так как это негативно отразится на демократических преобразованиях в целом и подорвет доверие демократических институтов к действующей власти. Воспрепятствование естественному переходу от атеистической идеологии к традиционной духовности неизбежно приведет к росту коррупции, девальвации нравственных ценностей, подрыву национальной идеи. Соответственно, углубится маргинализация оппозиционно настроенных верующих, которые превратятся в удобную мишень для идеологов религиозного экстремизма.

В таких условиях наиболее конструктивный путь — усиление государственного контроля над религиозной сферой, поддержка традиционных конфессий, развитие межрелигиозного диалога и создание условий для осуществления религиозно-просветительской деятельности. Однако, делая ставку на традиционные религии, современное демократическое государство должно учитывать степень их соответствия потребностям общественного развития. Традиционалистские учения способствуют сохранению гражданского единства, особенно в период социальных потрясений, но едва ли подходят для стремительно развивающихся обществ, ориентированных на абсорбцию и усвоение прогрессивных идей и технологий. Ряд религиозных деятелей и теологов осознают необходимость критически пересмотреть «окостеневшую» в некоторых отношениях религиозную традицию (при широком разбросе взглядов на допустимые пределы реформы). Перспективы модернизации ислама обсуждают и влиятельные азербайджанские политики. Тем не менее сегодня реформистский подход остается крайне непопулярным в мусульманской среде. Поэтому роль религии в общественной жизни Азербайджана во многом зависит от того, сумеют ли духовные лидеры выработать механизмы «осовременивания» мусульманской традиции, превращения религиозных институтов в проводников прогрессивных идей и модераторов общественного сознания.

¹³ См.: Сообщение Министерства национальной безопасности АР от 30 мая 2012 года [<http://www.mns.gov.az/az/news/341.html>].

Грузия: между либеральным проектом и православным национализмом

В отличие от Азербайджана, где религиозные общины занимают маргинальное положение, в соседней Грузии православная церковь играет заметную роль в общественно-политической жизни. Во второй половине 1990-х годов, когда Грузия переживала, глубокий политический и социально-экономический кризис, Грузинская Православная Церковь (ГПЦ) задействовала большие ресурсы для духовного и политического объединения страны. И хотя авторитет церкви, подорванный в советский период, не был восстановлен полностью, у грузинских политиков и общественных деятелей появилось обыкновение публично демонстрировать приверженность церковным традициям. 30 марта 2001 года парламент Грузии принял Конституционный закон, в котором подчеркивается «исключительная роль» ГПЦ в истории страны и оговаривается возможность установления конкордатных отношений с ней. 14 октября 2002 года было подписано «Конституционное соглашение между государством Грузия и Грузинской Апостольской Автокефальной Православной Церковью», практически единогласно ратифицированное парламентом. Таким образом, Грузия стала первой страной на постсоветском пространстве, где отношения между государством и религиозным объединением регулируются конституционным соглашением.

Согласно конкордату, государство признает ГПЦ юридическим лицом публичного права, действующим в интересах всего грузинского общества, а священнослужители ГПЦ пользуются особыми привилегиями. В частности, католикос-патриарх пользуется неприкосновенностью, а сановники ГПЦ не подлежат призыву в армию и обязаны не разглашать сведения, которые стали известны им как духовным наставникам. В соответствии с меморандумом, подписанным в марте 2010 года между прокуратурой Грузии, Грузинским патриархатом и Министерством исполнения наказаний, пробации и юридической помощи, заключенные, получившие рекомендацию патриархата, будут отбывать наказание не в местах лишения свободы, а в монастырях.

Помимо того, государство признает браки, зарегистрированные православной церковью, и обеспечивает создание института пастырей в воинских формированиях и в местах лишения свободы. Широкие полномочия предоставлены ГПЦ и в образовательной сфере. В общеобразовательных школах введено факультативное обучение православному вероисповеданию, а утверждение соответствующих учебных программ, назначение и увольнение преподавателей осуществляется по представлению ГПЦ.

Деятельность ГПЦ частично финансируется из государственного бюджета, где для этого заложена специальная статья¹⁴. Определенные преференции предоставлены Церкви и в вопросе уплаты налогов и владения имуществом. Государство признает собственностью ГПЦ все расположенные на территории страны православные храмы, монастыри, их развалины и соответствующие земельные участки, а также церковные сокровищницы, находящиеся под охраной государства (кроме тех, которые находятся в частной собственности). Церковная собственность становится неотчуждаемой и освобождается от налога на землю и налога на имущество. Государство также обязуется частично возместить ущерб, причиненный ГПЦ в период потери государственной независимости в XIX—XX веках¹⁵.

¹⁴ См.: Bureau of Democracy, Human Rights, and Labor, U.S. Department of State. International Religious Freedom Report 2010: Georgia (July — December) [http://www.state.gov/j/drl/rls/irf/2010_5/168312.htm].

¹⁵ Неофициальный перевод Конституционного соглашения между государством Грузия и ГПЦ на русский язык размещен на портале Православие.Ru по адресу: [<http://www.pravoslavie.ru/cgi-bin/sykon/client/display.pl?sid=364&did=825>].

За последние годы Грузинскому патриархату были возвращены в Тбилиси здание бывшей духовной семинарии стоимостью 26 млн лари (около 17,6 млн долл.), земельный участок площадью 4 тыс. кв. м, а также здание площадью 4 600 кв. м общей стоимостью 8 млн лари (около 5,4 млн долл.). Власти также передали ГПЦ территорию и здание, прилегающие к Сионскому кафедральному собору в Тбилиси, 279 га лесного фонда в районе Дедоплисцкаро (Восточная Грузия), земельные участки в различных населенных пунктах¹⁶.

Таким образом, с подписанием конституционного соглашения ГПЦ получила многочисленные преимущества перед остальными конфессиями, в том числе перед многочисленными общинами мусульман, католиков и армян. Статус юридического лица публичного права¹⁷ предоставил ГПЦ право под контролем государства осуществлять политическую, государственную, социальную, просветительскую, культурную и иную публичную деятельность. Гражданский Кодекс Грузии (1997) допускал предоставление аналогичных полномочий всем религиозным объединениям, которые были определены как юридические лица публичного права (ст. 1509). Однако Закон «О юридических лицах публичного права» (1999) не предусматривал процедуры регистрации религиозных объединений, вследствие чего остальные конфессии вообще не могли установить правовые отношения с государством. Ситуация несколько изменилась в апреле 2005 года, когда в результате изменений в ст. 1509 Гражданского Кодекса религиозные организации получили право регистрации в качестве некоммерческих юридических лиц частного права. Однако такое положение вещей не устраивало ряд религиозных объединений, в том числе Армянскую Апостольскую Церковь в Грузии, Римско-Католическую Церковь в Грузии, Евангелическо-Лютеранскую Церковь в Грузии и Баптистскую Церковь Грузии, которые потребовали либо принять специальный Закон «О религиозных объединениях» (в Грузии соответствующего закона нет), либо установить простые договорные отношения (а не конституционные соглашения) между государством и всеми без исключения религиозными организациями¹⁸.

Интенсивное «сотрудничество» ГПЦ с властями вызывало неудовлетворение не только части верующих, но и либерально настроенной части общества. Конкордатные отношения были установлены в тот период, когда политическое руководство страны было сильно дискредитировано в глазах общественности. Тогдашний глава государства Э. Шеварднадзе пошел навстречу патриархии в надежде склонить на свою сторону православных верующих и религиозных националистов. Однако после «революции роз» геополитические приоритеты грузинских властей изменились и корпоративные интересы ГПЦ стали расходиться с политикой властей, ориентированной на укрепление демократических институтов и либерализацию религиозной сферы.

Отношения между патриархией и политическим руководством Грузии еще больше осложнились после «пятидневной войны». В стане главы государства растет обеспокоенность тем, что усилия ГПЦ по укреплению духовно-культурных связей между народами России и Грузии потворствуют российским интересам¹⁹. В эфире телеканала «Имеди» была высказана тревога по поводу того, что «церковь может быть втянута в очень опасную игру, а высокий авторитет патриарха использован «для отбеливания» российских интересов»²⁰. Аналогичные сюжеты были показаны Общественным телевидением Грузии и

¹⁶ Агентство «Интерфакс», 28 марта 2008 [<http://religion.customers.ru/gry/?act=news&div=23608>].

¹⁷ См.: Законодательство Грузии проводит различие между юридическими лицами частного и публичного права. Правовое положение юридических лиц публичного права регулируется не только Гражданским кодексом, но и специальными правовыми актами.

¹⁸ См.: Независимая газета, 14 апреля 2001.

¹⁹ См.: *Колодин К.* Саакашвили записался в антиклерикалы [<http://www.izvestia.ru/georgia1/article3132814/>].

²⁰ *GeorgiaTimes*, 7 сентября 2009 [<http://www.georgiatimes.info/analysis/20753.html>].

телекомпанией «Рустави-2». Руководство ГПЦ отвергло все обвинения в том, что Церковь способствует реализации интересов иностранного государства. «Насколько Церковь Грузии нейтральна в отношении внутривластных сил, настолько активно она выступает гарантом единства грузинской нации и территориальной целостности Грузии во внешнеполитических процессах», — говорится в заявлении патриархии²¹.

Несмотря на ощутимый кредит доверия со стороны народа, католикос-патриарх всея Грузии пока избегает открытого противостояния с президентом страны. Однако он не раз высказывался в поддержку известных политиков и общественных деятелей, способных в той или иной форме повлиять на характер реформ, осуществляемых главой государства. Так, накануне парламентских и президентских выборов 2007 года он предложил реставрировать монархическое правление династии Багратионов²², а в ноябре 2011 года высказался за возвращение грузинского гражданства миллиардеру Б. Иванишвили²³, который открыто критикует политику М. Саакашвили.

Со своей стороны, власти Грузии последовательно выстраивают отношения с другими конфессиями. В марте 2011 года парламентское большинство, представленное правящей партией «Единое национальное движение», проголосовало за принятие поправок в Гражданский кодекс, согласно которым все религиозные организации страны, как традиционные, так и имеющие официальный статус хотя бы в одной стране — члене ЕС, получили право на статус субъекта публичного права. Это решение вызвало беспокойство грузинской патриархии, стремящейся сохранить свое исключительное положение и не допустить роста влияния других церквей. В частности, высказываются опасения о возможном решении в пользу Армянской Апостольской Церкви (ААЦ) вопроса о шести спорных церквях, которые пока находятся на балансе Министерства культуры, охраны памятников и спорта страны²⁴.

Беспокоит ГПЦ и внимание грузинских властей к проблемам мусульман страны. В феврале 2012 года патриархия Грузии потребовала включить ее представителей в переговоры с турецкой стороной по поводу обслуживания мечети в г. Ахалцихе и восстановления соборной мечети «Азизия» в г. Батуми²⁵. Диалог между мусульманской общиной Грузии и властями вступил в интенсивную фазу после того, как в мае 2011 года было создано Управление мусульман Грузии (УМГ). Данная структура объявила себя независимой от УМК, в подчинении которой ранее находились мусульманские общины страны. В 2005 году попытка ряда религиозных деятелей Грузии, включая руководителей обществ «Ахли-бейт» и «Иман», создать независимый религиозный центр была пресечена под давлением УМК и в связи с опасениями властей о возможном росте иранского влияния²⁶. Сегодня УМГ уже прошло регистрацию в Национальном агентстве публичного реестра и намерено выстраивать взаимоотношения с религиозными и государственными структурами не только внутри страны, но и за рубежом. Показательно, что в марте 2012 года распоряжением министра культуры Грузии шесть мечетей получили статус памятника культурного наследия, что является своего рода признанием вклада мусульман страны в национальную культуру.

Наиболее последовательный противник распространения неправославных течений в Грузии — радикальное крыло православного духовенства, имеющее большое влияние в

²¹ Заявление Грузинской Патриархии от 5 сентября 2009 года [http://www.patriarchate.ge/en/?action=news_show&mode=news&id=98].

²² [<http://www.religare.ru/article46333.htm>].

²³ См.: GeorgiaTimes.info, 14 ноября 2011 [<http://www.georgiatimes.info/news/67281.html>].

²⁴ См.: Делви Г. Президент против патриарха // Коммерсантъ Украина, 7 июля 2011 [<http://www.kommersant.ua/doc/1674179>].

²⁵ [<http://www.rosbalt.ru/exussr/2012/02/10/944205.html>].

²⁶ См.: Prasad C. Georgia's Muslim Community: A Self-Fulfilling Prophecy? // ECMI Working Paper, February 2012, No. 58 [http://www.ecmi.de/uploads/tx_lfpubdb/Working_Paper_58_En.pdf].

Священном синоде. В 1997 году под давлением православных националистов ГПЦ вышла из Всемирного совета церквей и Конференции европейских церквей. 18 августа 2003 года Священный синод осудил вмешательство общественности во внутренние дела Церкви и предупредил, что антицерковная деятельность прозападных либералов «может стать причиной серьезного противостояния в обществе». В протоколе заседания Синода отмечено, что для православных неприемлемы политическая, экономическая и культурная интеграция с Западом, любые формы диалога с неправославными конфессиями, а также пренебрежение церковными традициями под предлогом демократии и свободы слова²⁷.

Но если в отношении мусульман (преимущественно азербайджанцы, аджарцы и кистинцы), последователей ААЦ (большинство армян), католиков (в основном грузины и ассирийцы), иудеев и езидов сохраняется определенная терпимость, то деятельность нетрадиционных групп, особенно в грузинской этнической среде, воспринимается крайне негативно. В ежегодных отчетах Народного защитника Грузии, Госдепартамента США и международных организаций регулярно отмечаются факты нападок и даже физических нападений на представителей религиозных меньшинств со стороны отдельных общественных деятелей и политиков²⁸. Дискриминация по религиозному признаку имеет место и в общеобразовательных школах, где учащиеся, не исповедующие православие или отказывающиеся посещать занятия по истории религии, подвергаются притеснениям со стороны преподавателей или одноклассников²⁹.

В 1999—2004 годах в стране бесчинствовали последователи отлученного от официальной церкви священника Басила Мкалавишвили, который был арестован и признан виновным в организации целого ряда актов насилия в отношении представителей меньшинств, а также серии погромов, сопровождавшихся избиениями и сжиганием неправославной литературы. Несмотря на многочисленные обращения в прокуратуру, православный экстремист был задержан только в марте 2004 года и приговорен к шести годам лишения свободы. В июле 2008 года, перед войной в Южной Осетии, он был досрочно освобожден и даже совершил службу в православном храме. В религиозном насилии неоднократно обвинялся и руководитель общественного объединения «Джвари» Паата Блуашвили, который с 2007 года скрывается от грузинских властей. В мае 2007 года Европейский суд по правам человека в Страсбурге признал многочисленные факты нарушения Европейской конвенции о защите прав человека в отношении 97 членов гданской конгрегации Свидетелей Иеговы и обязал Грузию выплатить пострадавшей стороне компенсацию в размере 41 523 евро³⁰.

По информации Отдела по защите прав человека при Генеральной прокуратуре Грузии и Аппарата народного защитника Грузии, осуществляющих мониторинг религиозной ситуации в стране, в последние годы наметилась тенденция к уменьшению масштабов дискриминации по религиозному признаку. В январе 2008 года в своем втором инаугурационном обращении президент М. Саакашвили подчеркнул необходимость поддерживать веротерпимость в обществе, а на церемонию инаугурации были приглашены руководители некоторых религиозных меньшинств³¹. В 2010 году в Аппарат Народного

²⁷ См.: *Белякова Н.А.* Очерк религиозной ситуации в Грузии [http://www.ia-centr.ru/archive/public_details084d.html?id=46].

²⁸ См., например: European Commission against Racism and Intolerance. Second Report on Georgia (June 2006) [http://hudoc.ecri.coe.int/XML/Ecri/ENGLISH/Cycle_03/03_CbC_eng/GEO-CbC-III-2007-2-ENG.pdf].

²⁹ См.: Human Rights Centre. State of Freedom of Religion in Georgia since the Adoption of Constitutional Agreement between Government and the Orthodox Church of Georgia. Religious Freedom Report (April 2008) [<http://www.humanrights.ge/admin/editor/uploads/pdf/ReligionReport.pdf>].

³⁰ [<http://www.kavkaz-uzel.ru/newstext/news/id/1185797.html>].

³¹ См.: Bureau of Democracy, Human Rights, and Labor, U.S. Department of State. International Religious Freedom Report 2008: Georgia (2008) [<http://www.state.gov/g/drl/rls/irf/2008/108447.htm>].

защитника поступили лишь семь жалоб на преступления на почве религиозной нетерпимости³². В докладе Народного защитника Грузии о положении с правами человека в 2011 году отмечается, что в последние два года правоохранительные органы более адекватно реагируют на такого рода незаконные действия³³. Тем не менее проблема религиозной нетерпимости в Грузии пока сохраняется, что позволяет националистическим и радикальным организациям чувствовать себя достаточно спокойно.

Можно предположить, что напряженность политической ситуации в Грузии и неопределенность геополитических перспектив не позволяют нынешним властям вступить в открытое противостояние с Грузинским патриархатом, пользующимся доверием в обществе. Возможно, ситуация изменится в случае достижения командой М. Саакашвили реальных успехов в переговорах по вступлению в НАТО или в разрешении этнополитических конфликтов. Однако нельзя забывать, что грузинская этническая идентичность тесно связана с православной церковью, которая весьма эффективно пользуется сложившейся политической ситуацией и поддержкой народа для укрепления своего положения. На нынешнем этапе антироссийские настроения властей вступают в конфликт с антизападной риторикой православного духовенства, и будущее государственно-церковных отношений в Грузии зависит от того, насколько политической и религиозной элитам удастся гармонизировать эти противоположные тенденции.

Армения: без намеков на отказ от великодержавных чаяний

Особый формат государственно-церковных отношений сложился в Армении, где этническое самосознание почти полностью идентифицируется с религиозным. На протяжении истории армянский народ неоднократно терял и восстанавливал свою государственность (после падения киликийской династии Лузиньянов в 1375 году армяне не имели самостоятельного государства вплоть до распада Советского Союза). Поэтому ААЦ традиционно не только выполняет функции духовного наставничества, но и отстаивает политические интересы армянской знати. Конституция Республики Армения признает «исключительную миссию ААЦ как национальной церкви в духовной жизни армянского народа, в деле развития его национальной культуры и сохранения национальной самобытности» и допускает законодательное регулирование отношений между государством и церковью (ст. 8.1). Значение Церкви в становлении и сохранении армянской нации подчеркивается и в преамбуле Закона «О свободе совести и религиозных организациях». Вместе с тем, в отличие от Грузии, в Армении конкордатные отношения между государством и ААЦ пока еще не установлены.

17 марта 2000 года был подписан «Меморандум о взаимопонимании между правительством Республики Армения и ААЦ», предполагающий установление конкордатных отношений. Согласно данному документу, стороны намереваются разрешить проблемы, связанные с имуществом ААЦ, определить налоговые льготы для ААЦ и ее традиционных организаций, предоставить ААЦ приоритетное место в государственных СМИ и в образовательно-культурных программах, договориться о создании условий для распространения деятельности ААЦ в воинских частях, в следственных изоляторах, в тюрьмах и т.д. Однако принципиальные разногласия между сторонами по отдельным пунктам со-

³² См.: Civil Georgia, 4 апреля 2011 [<http://www.civil.ge/rus/article.php?id=21852>].

³³ См.: Civil Georgia, 29 марта 2012 [<http://www.civil.ge/rus/article.php?id=23239>].

глашения не позволили подготовить окончательный текст документа ни в установленный срок (в течение девяти месяцев), ни в последующие восемь лет.

Очевидно, причина этого кроется в конфликте интересов консервативно настроенного духовенства, стремящегося сохранить свое влияние, и политиков, заинтересованных в расширении связей с Западом. Отсюда и противоречивость целей, которые ставятся перед армянским духовенством в интересах государства. С одной стороны, ААЦ как «национальная» церковь стремится сохранить вероисповедную однородность армян и использовать этот фактор для политического единения нации, а с другой — она вынуждена сближаться с другими конфессиями, обеспечивая культурный фон для стратегического партнерства Армении с Россией и для евро-атлантической интеграции Армении. Последняя задача ставит Эчмиадзин в непростое положение, поскольку протестантские церкви в Армении активно занимаются прозелитизмом, вызывая беспокойство националистов. Кроме того, сближение с Армянской Католической Церковью может привести ААЦ к утрате церковной идентичности, а ведь именно она позволяет ей выполнять интегрирующую функцию. Сегодня фактическому объединению двух церквей препятствует только догмат о первенстве Папы³⁴.

Несмотря на существующие сложности, поле деятельности Эчмиадзина постепенно расширяется. В армии духовным «окормлением» военнослужащих занимаются 30 капелланов, действующих на основании Устава духовной службы в Вооруженных силах. В августе 2009 года правительство Армении приняло решение предоставить отсрочку от прохождения воинской службы воспитанникам ряда духовных семинарий страны. С 2005 года в общеобразовательных школах введен обязательный предмет «История армянской церкви», в подготовке учебных материалов принимают участие Министерство образования и науки совместно с Центром духовного воспитания ААЦ. В связи с этим Европейская комиссия по борьбе с расизмом и нетерпимостью неоднократно рекомендовала правительству Армении исключить из учебных материалов любые сведения, поддерживающие предубеждения в отношении последователей других религий и оскорбляющие чувства детей, принадлежащих к религиозным меньшинствам³⁵.

Между тем положение других конфессий, действующих в Армении, и отношение к ним со стороны государства и общества сильно разнятся. Община армян-католиков, насчитывающая, по разным данным, от 100 тыс. до 180 тыс. человек³⁶, поддерживает дружеские отношения с Эчмиадзином, но испытывает большие организационные трудности. Католики не имеют ни духовной семинарии, ни собственного храма и отправляют религиозные обряды в часовне. Русская Православная Церковь в Армении представлена четырьмя зарегистрированными религиозными организациями. Еще два православных прихода столкнулись с проблемами при регистрации³⁷. В целом армянские власти дорожат связями с РПЦ и оказывают содействие православным храмам, канонически входящим в состав Майкопской епархии РПЦ. В Ереване при православной церкви строится женский монастырь, в марте 2010 года началось строительство нового православного собора. Власти также создают условия для сохранения религиозных традиций ассирийцев (последователей Ассирийской Церкви Востока) и курдов-езидов («солнцеклонников»), однако религиозные лидеры этих этнических групп выражают

³⁴ См.: *Фейган Дж., Шипков А.* Армянский конкордат [http://www.archipelag.ru/ru_mir/religio/gko/questions/armenian-concordat/].

³⁵ См.: European Commission against Racism and Intolerance. Second Report on Armenia (June 2006) [http://hudoc.ecri.coe.int/XMLEcri/ENGLISH/Cycle_03/03_CbC_eng/ARM-CbC-III-2007-1-ENG.pdf].

³⁶ См.: Интервью священника армянско-католического прихода в Ереване П. Ясяна от 7 марта 2008 года [<http://www.wjrd.ru/news/catholic/Kard-Bertone-v-Armenii-na>].

³⁷ См.: Интервью священника православной церкви Покрова Пресвятой Богородицы в Ереване Д. Абрахамяна правозащитной организации «Форум — 18» от 9 февраля 2009 года [http://www.forum18.org/Archive.php?article_id=1251].

обеспокоенность миссионерской деятельностью протестантов в их среде³⁸. Примечательно, что армянские священники практически не ведут миссионерской деятельности среди других этнических групп, составляющих примерно 5,3% населения страны³⁹. Малочисленные общины курдов, русских, ассирийцев, греков и украинцев, идентифицирующие себя с определенной церковью или религией, не вызывают беспокойства властей и официального духовенства.

Что же касается нетрадиционных конфессий, то они в полной мере ощущают на себе последствия государственного протекционизма в отношении ААЦ. В первую очередь это относится к Свидетелям Иеговы, адвентистам и другим протестантским группам⁴⁰. Община Свидетелей Иеговы прошла государственную регистрацию лишь в октябре 2004 года и во многом благодаря международной поддержке. Однако с тех пор давление на членов этой религиозной организации только усилилось. Особую напряженность создает отказ свидетелей Иеговы от несения воинской службы, который на фоне агрессивной внешней политики Армении рассматривается как «предательство национальных интересов»⁴¹. В январе 2012 года Европейский суд по правам человека (ЕСПЧ) удовлетворил жалобы двух граждан Армении, относящихся к общине Свидетелей Иеговы и осужденных в 2003 году за отказ от службы в армии. Похожая жалоба от Свидетеля Иеговы из Армении была удовлетворена ЕСПЧ в июле 2011 года. По словам адвоката Ш. Брейди, представляющего интересы Свидетелей Иеговы, в местах лишения свободы находятся еще 58 членов организации⁴².

Начиная с 2009 года в парламенте Армении обсуждается законопроект о внесении изменений в Закон «О свободе совести и религиозных организациях», предполагающий ужесточение мер наказания в отношении лиц, занимающихся прозелитизмом. В предложенных поправках вводится понятие «ловля душ», которое определяется как «любое проповедничество религиозного характера с применением физического и психологического насилия в отношении людей других религиозных убеждений, другого вероисповедания и других взглядов в целях вероотступничества, а также вовлечение в свою организацию путем материального поощрения или использование зависимого положения людей, их родственников, подстрекательство к ненависти и вражде в отношении другой веры, других религиозных убеждений и организаций, преследование людей два и более раза, а также несовершеннолетних, не достигших 14 лет, без ведома их родителей или опекунов»⁴³. Данный законопроект фактически ставит вне закона любые попытки религиозных меньшинств вести проповедническую деятельность среди последователей ААЦ. Кроме того, ряд поправок предусматривает освобождение ААЦ от налогов на землю и имущество, что также ущемляет права других религиозных организаций. В 2011 году законопроект был направлен на экспертизу в Венецианскую комиссию (Европейская комиссия за демократию через право при Совете Европы).

³⁸ Некоторые курдские интеллектуалы выражают недовольство политикой официального Еревана, направленной на разделение курдов-мусульман от курдов-езидов, которая имела место, в частности, во время переписи населения 2001 года (см.: The Situation of the Yezidis in Armenia [<http://kurdistan.org/Current-Updates/yezidi.html>]). В то же время лояльные армянским властям езиды в лице Езидского национального союза Армении, напротив, требуют от официальных лиц не причислять их к курдам и в законодательном порядке преследовать тех, кто вносит «путаницу» в их этническое происхождение (см.: [<http://www.ezdixandi.net.ru/news/2009-04-30-316>]).

³⁹ См.: CIA World Factbook, September 2009 [<https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/am.html>].

⁴⁰ 13 февраля 2009 года Институт по освещению войны и мира опубликовал серию жалоб со стороны представителей религиозных меньшинств на дискриминационные действия армянских властей и ААЦ (см.: [<http://www.unhcr.org/refworld/docid/499a6f200.html>]).

⁴¹ [<http://old.kavkaz-uzel.ru/digesttext/digest/id/722661.html>].

⁴² См.: Кавказский узел, 14 января 2012 [<http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/199254/>].

⁴³ Кавказский узел, 26 августа 2011 [<http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/191478/>].

Общественное мнение в Армении с пониманием относится к разделению конфессиональных групп на традиционные и нетрадиционные. Как пишет председатель Центра этнологических исследований «Азарашен» Г. Харатян, в Армении переход в нетрадиционные течения воспринимается не как реализация права на свободу вероисповедания, но как потеря важного элемента этнической идентичности. Следовательно, воспрепятствование прозелитизму переносится из плоскости ограничения прав человека в плоскость «прав группы на сохранение специфики этнической культуры»⁴⁴.

* * *

Как видим, в каждом из независимых государств ЦК отношения между государством и религиозными объединениями имеют свою собственную логику, определяемую особенностями этноконфессиональной структуры общества и внешнеполитическими приоритетами. В Азербайджане мусульманские организации не имеют никаких преимуществ перед неисламскими, а власти придают огромное значение обеспечению религиозного паритета и поддержанию атмосферы веротерпимости. В Грузии православная церковь пользуется значительными преференциями, но внутрицерковные разногласия и геополитические реалии вынуждают Грузинский патриархат оглядываться на политическое руководство страны. В Армении же исключительное положение Апостольской Церкви позволяет ей оказывать заметное влияние не только на общественное мнение, но и на политические решения властей. Далее мы подробно рассмотрим важнейшие внешние и внутренние факторы, определяющие такой характер государственно-конфессионального взаимодействия в странах региона.

Религия и этнический вопрос на Центральном Кавказе

Последние два десятилетия в странах ЦК прошли под знаком двух доминирующих тенденций: интеграции в мировое сообщество и разрешения этнотерриториальных коллизий. Этнические разломы, «тектоническая» активность которых не угасала даже в советский период, быстро превратились в очаги сепаратизма и вооруженного противостояния. Этническая идентичность кавказских народов традиционно связана с религиозной. Несмотря на это, именно этническое, а не конфессиональное самосознание определяет социально-политическую атмосферу в противоборствующих лагерях. Поэтому ни в Нагорном Карабахе, ни в Абхазии противостояние между этническими группами не перешло в плоскость «борьбы за веру». Вместе с тем конфессиональные различия в обоих случаях послужили дополнительным источником мотивации.

Сепаратистское движение в Нагорном Карабахе с момента своего пробуждения в 1988 году опиралось на религиозные чувства армян. Наряду с забастовками и акциями протеста лидеры сепаратистов призывали к восстановлению церквей и добивались от партийного руководства СССР передачи им христианских храмов. В начале 1990 года Совет по делам религий при Совете Министров СССР санкционировал передачу армянам Карабаха шести храмов, в том числе албанских монастырей Амарас и Гандзасар. Позднее, 21 ноября 1990 года, Совет по делам религий отменил свое решение о передаче

⁴⁴ Харатян Г. Армения: Религия. В кн.: Центральная Евразия — 2008. Аналитический ежегодник. Швеция, 2009. С. 82.

двух албанских монастырей армянам, что вызвало их крайнее возмущение. Слух об отлучении армян от «памятников их духовного наследия» эхом прокатился по всему Советскому Союзу. Показательно заявление католического священника Иозефа Гунчаги (Словакия), помощника настоятеля костела св. Людовика в Москве, расценившего события в Нагорном Карабахе как «психологическую войну против христианства», и подобные заявления были не единичными⁴⁵.

Не оставался в стороне от происходящего в Нагорном Карабахе и католикос всех армян Вазген I (ум. в 1994). С самого начала конфликта он выступил в роли вдохновителя борьбы карабахских армян за самоопределение и сторонника «справедливого» решения вопроса. 25 февраля 1988 года Вазген I направил открытое письмо Генеральному секретарю ЦК КПСС М. Горбачеву с требованием присоединения Нагорного Карабаха к Армении⁴⁶. 14 сентября 1990 года он направил телеграмму уже Президенту СССР М. Горбачеву, в которой призвал «силой закона» помочь армянам Нагорного Карабаха реализовать свое право на самоопределение. В противном случае, говорится в телеграмме, армяне готовы умереть за свою свободу⁴⁷.

В отличие от своего армянского коллеги, председатель Духовного управления мусульман Закавказья (позднее — УМК) шейхульислам А. Пашазаде в тот период занял выжидательную позицию и отличился тем, что 4 декабря 1988 года попытался уговорить митингующих на площади Ленина в Баку разойтись по домам⁴⁸. В том же году А. Пашазаде попытался использовать религиозный ресурс для снятия напряженности в Нагорном Карабахе и предотвращения кровопролития. 5 мая 1988 года он встретился с католиком-сом всех армян Вазгеном I, после чего подобные встречи стали регулярными. 17 ноября 1993 года духовные лидеры двух стран встретились в Свято-Даниловом монастыре при посредничестве Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. Участники встречи призвали остановить кровопролитие без предварительных условий и не допустить интернационализации конфликта. 15 апреля 1994 года в Москве прошла очередная встреча духовных лидеров в том же формате, и на ней было выдвинуто пожелание о встрече президентов Азербайджана и Армении⁴⁹.

Таким образом, религиозный антагонизм армян и азербайджанцев в нагорно-карабахском конфликте отступил на задний план и в дальнейшем фактически не влиял на развитие событий. Армяне любят спекулировать своим географическим положением между Европой и мусульманским миром, говоря об особой миссии «хранителя христианских ценностей и прав человека и стратегической границы безопасности Европы»⁵⁰. Однако перспективы расширения связей с арабским миром и мнение мирового сообщества удерживают армянских политиков от придания конфликту с Азербайджаном характера мусульманско-христианского противостояния⁵¹.

⁴⁵ См.: Мелик-Шахназаров А. Нагорный Карабах: факты против лжи [http://www.sumgait.info/caucasus-conflicts/nagorno-karabakh-facts/nagorno-karabakh-facts-4.htm].

⁴⁶ [http://www.armeniaforeignministry.com/fr/nk/nk_file/article/61.html].

⁴⁷ [http://www.sumgait.info/caucasus-conflicts/nagorno-karabakh-facts/nagorno-karabakh-facts-4.htm].

⁴⁸ См.: Юнусов А. Ислам в Азербайджане. Баку: Заман, 2004. С. 185.

⁴⁹ См.: Силахтьев Р. Религиозный фактор во внешнеполитических конфликтах на Кавказе. В кн.: Религия и конфликт / Под ред. А. Малашенко, С. Филатова. М.: Российская политическая энциклопедия, 2007. С. 134.

⁵⁰ Sahakyan V., Atanesyan A. Democratization in Armenia: Some Trends of Political Culture and Behavior // Demokratizatsiya: The Journal of Post-Soviet Democratization, Summer 2006, Vol. 14, No. 3 [http://findarticles.com/p/articles/mi_qa3996/is_200607/ai_n17182658/].

⁵¹ В ноябре 2007 года, накануне президентских выборов, тогдашнему премьер-министру Армении С. Саргсяну пришлось оправдываться перед журналистами за неосторожное заявление о мощной религиозной составляющей нагорно-карабахского конфликта, сделанное во время интервью американской газете «Los Angeles Times» (Агентство Новости — Армения, 10 ноября 2007 [http://www.newsarmenia.ru/karabah/2007_1110/41768503.html]).

В Абхазии этнический конфликт стал приобретать религиозную окраску благодаря активному участию на стороне абхазов отрядов Конфедерации народов Кавказа, среди которых особо отличились чеченцы под командованием Ш. Басаева. И хотя их вмешательство во многом определило военный успех абхазов в 1992—1993 годах, ряды интернационального ополчения включали также немало армян, осетин, русских. Кроме того, грузино-абхазское противостояние по определению не является межрелигиозным, так как даже после исхода этнических грузин более половины населения республики составляют христиане. Что же касается абхазов-мусульман, то уровень их религиозного сознания очень низкий и в республике до сих пор нет действующих мечетей⁵².

С другой стороны, конфликт в Абхазии спровоцировал внутриконфессиональное противостояние в ГПЦ. В 1993 году в Абхазии осталось только четыре священника. В 1998 году они учредили новый Епархиальный совет Сухумо-Абхазской епархии, которая фактически находится под управлением Московского патриархата (МП), хотя формально остается канонической территорией ГПЦ. Руководство раскольнической епархии, возглавляемой иереем Виссарионом (Аплиа), неоднократно высказывало готовность перейти под юрисдикцию МП, однако в октябре 2008 года Священный синод РПЦ отказался принять Сухумо-Абхазскую епархию в состав РПЦ⁵³. В результате абхазские священники пошли на радикальные меры и 15 сентября 2009 года на внеочередном заседании Епархиального совета постановили прекратить деятельность Сухумо-Абхазской епархии ГПЦ на территории Абхазии и возродить Абхазскую Православную Церковь (АПЦ), существовавшую до 1795 года⁵⁴. В ответ 21 декабря 2010 года Священный синод ГПЦ решил внести в титул грузинского патриарха упоминание Абхазии⁵⁵. 10 февраля 2011 года решением правительства Абхазии в безвозмездное и бессрочное пользование АПЦ было передано 38 храмов, в результате чего церковь стала самым крупным землепользователем Абхазии⁵⁶.

В настоящее время церковную жизнь в Абхазии будоражат серьезные противоречия между православными священниками. Весной 2011 года группа молодых священнослужителей во главе с иеромонахом Андреем (Ампаром) выступила против назначения игумена Ефрема (Виноградова) настоятелем Новоафонского монастыря. По словам профессора Сухумского государственного университета З. Папаскири, причиной конфликта стали попытки нового настоятеля, прибывшего в Абхазию вместе с группой русских монахов, внедрить в монастыре русско-славянские правила⁵⁷. Недовольство абхазских клириков было вполне понятным, так как игумен Ефрем получил благословение на служение в Абхазии от патриарха Московского и всея Руси Кирилла⁵⁸, а Новоафонский монастырь не находится в каноническом ведении Московской патриархии. В связи с этим 4 апреля на церковно-народном сходе в Новом Афоне было принято обращение к патриарху Кириллу отозвать игумена Ефрема из Абхазии, а иеромонаху Андрею было поручено организовать проведение церковно-народного собрания, которое и состоялось 15 мая. Несмотря на резкое неодобрение со стороны РПЦ и на сопротивление главы самопровозглашенной Абхазской Православной Церкви отца Виссариона, участники церковно-народного собрания, среди которых были представители и проправительственных сил, и оппозиции, приняли решение о воссоздании Анакопийской епархии в лице Священной митрополии

⁵² Согласно социологическому исследованию (2003), 60% респондентов отнесли себя к христианам и лишь 16% — к мусульманам (см.: НГ-Религии, 17 марта 2004).

⁵³ См.: Коммерсантъ, 7 октября 2008.

⁵⁴ Агентство «Интерфакс», 18 сентября 2009 [<http://www.interfax-religion.ru/?act=documents&div=942>].

⁵⁵ См.: Росбалт, 21 декабря 2010 [<http://www.rosbalt.ru/exussr/2010/12/21/803195.html>].

⁵⁶ [http://www.govabk.org/news/government/?ELEMENT_ID=1371&sphrase_id=490].

⁵⁷ См.: Наша Абхазия, 4 ноября 2011 [<http://abkhazeti.info/news/1320455877.php>].

⁵⁸ См.: Обращение духовенства Сухумо-Пицундской епархии к пастве абхазской церкви от 6 апреля 2011 года [<http://apsnypress.info/news/2934.html>].

Абхазии. Тем самым вопрос об урегулировании канонического статуса Абхазской Православной Церкви принял новый оборот. В ответ иерей Виссарион, добивающийся включения возглавляемой им епархии в состав РПЦ, попытался организовать церковное шествие и изгнать раскольников из Новоафонского монастыря, но отказался от этой идеи после вмешательства влиятельных абхазских политиков. За прошедший год конфликт между православными клириками не ослаб, а 27 июня 2012 года председатель совета Священной митрополии Абхазии архимандрит Дорофей (Дбар) порвал отношения с РПЦ, после того как епископ Майкопский и Адыгейский Тихон продлил в отношении его запрет на богослужение.

Не менее сложная ситуация возникла в Южной Осетии. После прекращения боевых действий в регионе Грузинский патриархат полностью встал на сторону официального Тбилиси, а глава местной православной общины А. Пухаев отправился в Москву, чтобы просить руководство РПЦ взять православных христиан самозванной республики под свой омофор и рукоположить его в сан иерея. Однако МП не пожелал вступать в территориальные споры с другими поместными церквями и отказал А. Пухаеву, который после того обратил свои взоры к Русской Православной Церкви Заграницей (РПЦЗ). В 1992 году было создано Аланское благочиние РПЦЗ, которому подчинялись три православных прихода. Остальные пять приходов оставались в ведении «законных» священников Никозской и Цхинвальской епархии ГПЦ⁵⁹.

В 2003 году ввиду наметившегося сближения РПЦЗ с МП глава благочиния разорвал отношения с прежним партнером, а в ноябре 2005 года присоединился к одной из неканонических православных (старостильных) церквей Греции — Синоду противостоящих. Существующая с тех пор Аланская епархия после «пятидневной войны» предприняла еще одну попытку войти в состав РПЦ, но в октябре 2008 года она (наряду с Сухумо-Абхазской епархией) получила официальный отказ.

Несмотря на политическую поддержку, которую Москва оказывает сепаратистским режимам в Грузии, МП не может в одностороннем порядке заявить о пересмотре канонических границ с ГПЦ. В нынешних условиях это послужило бы на руку сторонникам отделения Украинской православной церкви от МП. Кроме того, это означало бы признание своей неправоты в конфликте с Константинопольским патриархатом из-за перехода эстонских православных приходов под юрисдикцию последнего и с Румынской Православной Церковью из-за признания ею Бессарабской митрополии, существующей параллельно с канонической Молдавско-Кишиневской митрополией. В связи с этим официальные лица РПЦ, несмотря на признание Россией независимости Южной Осетии и Абхазии, отказываются от пересмотра канонической территории Грузинской церкви⁶⁰. Однако «подводные камни» во взаимоотношениях между двумя патриархатами едва удастся утаить. В Москве не скрывают печали от того, что грузинское православие намного старше российского, а в Тбилиси хорошо помнят, какой урон поместной церкви нанесло упразднение автокефалии и создание Грузино-Имеретинской синодальной конторы в 1811 году.

В нынешних политических реалиях Грузинский патриархат не имеет возможности контролировать де-юре находящиеся в его подчинении православные приходы в Абхазии и в Южной Осетии. Дипломатические усилия грузинских клириков на протяжении последних лет не принесли желаемых результатов. Более того, события последних месяцев вообще могут привести к переоценке значимости православного фактора для грузинской государственности. Понимая это, православные националисты стремятся восстановить

⁵⁹ См.: *Силантьев Р.* Указ. соч. С. 142.

⁶⁰ Об этом, в частности, говорится в заявлении главы Отдела внешних церковных связей Московского патриархата архиепископа Волоколамского Илариона (см.: Агентство РИА Новости, 13 сентября 2009 [<http://www.rian.ru/society/20090913/184808697.html>]).

авторитет церкви за счет расширения влияния в местах компактного проживания азербайджанцев и армян.

В Квемо-Картли недовольство азербайджанского населения вызывает установка больших крестов в мусульманских селах и возле кладбищ⁶¹. Кроме того, мусульмане встречают сильное сопротивление со стороны властей при строительстве мечетей. По словам представителя Народного защитника Грузии в регионе Квемо-Картли Э. Мамедова, в азербайджанском селе Муганлы Гардабанского района с большим трудом удалось построить мечеть, да и то без минарета⁶². В сентябре 2009 года под давлением православных священников властями были приостановлены восстановительные работы в мечети в селе Фахралы Болнисского района Грузии⁶³. Проблема мечети, построенной в 1905 году, не находила своего решения в течение длительного времени и была отражена в докладе Государственного департамента США о свободе вероисповедания за 2010 год. С аналогичными проблемами сталкиваются мусульмане и в Аджарии, и в других областях страны.

Напряженность в отношениях между грузинами и азербайджанцами периодически нагнетают местные армяне. Через средства массовой информации свою лепту в формирование предвзятого мнения в отношении азербайджанцев вносят армянские аналитики и политические обозреватели⁶⁴. На наш взгляд, попытки сыграть на религиозных чувствах азербайджанцев вряд ли приведут к межэтническому противостоянию в Грузии, но могут негативно сказаться на интеграции в грузинское общество почти полумиллионной общины азербайджанцев, которые пока остаются самым лояльным этническим меньшинством.

Большим накалом характеризуются отношения Грузинского патриархата и Епархии ААЦ в Грузии. Главный предмет разногласий — так называемые «спорные» церкви. С советских времен ААЦ в Тбилиси осуществляет богослужение только в двух храмах. В то же время армяне претендуют и на пять других церквей в столице, которые в настоящее время бездействуют. Наиболее остро стоит вопрос о церкви Норашен в Тбилиси и церкви Сурб Ншан в Ахалцихе. По мнению Грузинского патриархата, подвижки в данном вопросе возможны только после принятия закона о религиозных объединениях, который, однако, вряд ли будет принят в ближайшее время⁶⁵. Христианско-демократическое движение Грузии при этом требует передачи ГПЦ ряда запущенных церквей на севере Армении, которые, по их мнению, являются православными храмами. Следует отметить, что официально Грузинский патриархат не поднимает вопроса о грузинских церквях в Армении, хотя в феврале 2006 года Священный синод ГПЦ постановил восстановить на территории Армении «исторически существовавшую» епархию Агарак-Ташира с кафедрой в Дманиси (приграничный город в Грузии)⁶⁶. Реакция армянской стороны была сдержанной, но несколько раздраженной, поскольку последователей ГПЦ в Армении практически нет.

Причина сложных отношений между двумя конфессиями кроется в межэтнических противоречиях в регионе Самцхе-Джавахети, населенном преимущественно армянами.

⁶¹ Агентство Новости — Азербайджан, 23 февраля 2009 [<http://www.newsazerbaijan.ru/exclusive/20090223/42743450.html>].

⁶² Агентство Новости — Азербайджан, 1 апреля 2009 [<http://www.newsazerbaijan.ru/obsh/20090401/42795016.html>].

⁶³ Агентство АРА, 15 сентября 2009 [<http://ru.apa.az/news.php?id=142704>].

⁶⁴ См., например: *Абрамян Э.* Азербайджанцы Грузии: активная подготовка к долгожданному восстанию? [<http://www.mitq.org/?l=rus&id=13&news=2685>]. Автор статьи — председатель аналитического центра «Митк» (Армения).

⁶⁵ Спорные» церкви, манифестация греков и пропавший Молла: доклад Народного защитника Грузии [<http://www.regnum.ru/news/569444.html>].

⁶⁶ [<http://www.pravoslavie.ru/cgi-bin/sykon/client/display.pl?sid=363&did=1806>].

Массовое переселение армян из Турции в Самцхе-Джавахети началось после русско-турецкой войны 1828—1829 годов⁶⁷. Географическое положение и особенности рельефа способствовали экономическому и культурному обособлению региона от остальной части Грузии, а также увеличению его зависимости от соседней Армении. Армянское население Самцхе-Джавахети неохотно изучает грузинский язык и слабо интегрировано в грузинское общество. Это вызывает беспокойство властей, тем более что армяне считают этот регион исторической частью Армении⁶⁸. Поэтому наряду с инфраструктурными проектами, направленными на расширение экономического потенциала региона и повышение уровня жизни, власти активно проводят в жизнь политику изменения демографического баланса в пользу грузин. В духовной сфере это проявляется в усилении православного влияния и расширении земельной собственности ГПЦ, что рассматривается армянами как попытка вытеснения их с родных земель. Эта обеспокоенность вызвана не столько религиозными мотивами, сколько политическими и экономическими соображениями. И грузинская, и армянская церкви сформировались и существуют прежде всего как «национальные», и в случае политико-экономической интеграции региона существующие между ними противоречия легко преодолимы.

Как видим, этнический фактор вносит серьезные коррективы в межконфессиональные и государственно-конфессиональные отношения в странах ЦК. В таких условиях склонность властей к «сорботничеству» с доминирующими конфессиями вполне оправдана, поскольку они сохраняют лояльность политическому курсу властей и принимают участие в национальном строительстве, при том что новые религиозные движения обостряют размежевание как между титульными этносами и меньшинствами, так и внутри них. Традиционные духовные лидеры этнических меньшинств в целом имеют возможность удовлетворять религиозные нужды своей паствы, хотя определенные трения между ними и между доминирующими конфессиями (особенно в Грузии) остаются. Современные исследователи религиозной жизни в государствах ЦК обычно задаются вопросами типа: «Насколько государственно-церковные отношения обеспечивают реализацию индивидуального права на свободу совести и вероисповедания?» Эта проблема, безусловно, существует и имеет значение для формирования гражданского общества в регионе. Однако геополитические реалии выдвигают на передний план вопросы иного порядка, например: Обеспечит ли секуляризация в Азербайджане укрепление государственности без ущерба для национальных духовно-этических ценностей? Как усиление православной составляющей национальной идентичности в Грузии отразится на целостности грузинского общества? И возможна ли армянская национальная идея без агрессивного нарратива, частью которого являются церковно-территориальные притязания ААЦ? Короче говоря, религиозный фактор имеет огромное значение для будущего ЦК, и понимание этого присутствует у всех геополитических «игроков».

Религия на Центральном Кавказе в геополитическом измерении

За последние 15 лет геополитическое значение независимых государств ЦК существенно изменилось. С одной стороны, значительно расширился коммуникационный

⁶⁷ См.: *Вачнадзе М., Гурули В., Бахтадзе М.* История Грузии [http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Vachn/16.php].

⁶⁸ См.: *Лом Х.* Джавахети после «революции роз»: прогресс и регресс в поисках национального единства в Грузии. Рабочий доклад Европейского центра по делам меньшинств № 38 (апрель 2006) [http://www.ecmi.de/download/working_paper_38_rus.pdf].

потенциал региона и появилась возможность доставлять топливно-энергетические ресурсы Каспийского бассейна на мировой рынок в обход России. С другой — неразрешенные этнотерриториальные конфликты в непосредственной близости от «горячего» юга России выросли из фактора региональной нестабильности в потенциальный очаг глобального противостояния сверхдержав. На этом фоне геополитические и экономические интересы крупных государств и военно-политических группировок оттесняют на задний план интересы самих государств региона и превращают их в объекты «новой кавказской политики». Религиозный фактор и спекуляции свободой вероисповедания, в свою очередь, превращаются в инструмент геополитического влияния на ситуацию внутри независимых государств, а также на межгосударственные отношения внутри региона и по его периметру.

Наибольшее значение религиозному фактору придают **Соединенные Штаты Америки**. Госдепартамент США регулярно отслеживает религиозную ситуацию в регионе и дипломатическим путем пытается вносить «коррективы» в политику государств в отношении отдельных религиозных объединений. Главные акценты американского влияния в данной сфере — либерализация религиозной политики и противодействие международному терроризму. Традиционно проявляя благосклонность к евангелическому протестантизму, особенно к баптистам, пятидесятникам и Свидетелям Иеговы, США поддерживают глобальную экспансию англосаксонской культуры с ее ценностными установками: поощрением личностного самовыражения, равноправия и способности к созданию добровольных объединений⁶⁹. Различные протестантские группы получают политическую поддержку и со стороны ряда европейских государств и международных правозащитных организаций. Воспринимаемые местным обществом как нетрадиционные и порой причисляемые к числу деструктивных сект⁷⁰, протестантские церкви ощущают себя носителями исторической миссии и смело бросают вызов традиционной культуре. Они не вступают в экуменический диалог, напрямую ассоциируют себя с Западом и не скрывают своей геополитической ориентации⁷¹. Вместе с тем успехи протестантов в регионе весьма незначительны, говорить о «протестантской карте» в кавказской политике США или ЕС, пожалуй, рано.

Гораздо большее влияние на религиозную ситуацию в регионе оказала инициированная США борьба против международного терроризма. Сразу после трагедии 11 сентября 2001 года в Азербайджане была приостановлена деятельность кувейтского благотворительного общества «Возрождение исламского наследия», которое активно поддерживало салафитское движение. Всего в Азербайджане по подозрению в связях с террористическими организациями было закрыто шесть таких фондов⁷². Антитеррористические меры разрушили инфраструктуру салафитских организаций, которая за минувшие годы не была восстановлена, и тем самым значительно ослабили позиции суннитского ислама. Усиление суннитского фактора в Азербайджане не в интересах Запада, потому что религиозные противоречия между турками-суннитами и азербайджанцами-шиитами — чуть ли не единственная цивилизационная «преграда» для усиления турецкого влияния на Кавказе. Кроме того, заокеанским стратегам выгодно укрепление «шиитского коридора»

⁶⁹ См.: Бергер П.Л. Культурная динамика глобализации. В кн.: Многоликая глобализация / Под ред. П. Бергера, С. Хантингтона / Пер. с англ. М.: Аспект Пресс, 2004. С. 16.

⁷⁰ Например, по словам руководителя Центра помощи и реабилитации лиц, пострадавших от деструктивных сект (Армения), А. Амаряна, более половины зарегистрированных в стране религиозных организаций — деструктивные секты (см.: Новости — Армения, 19 апреля 2006 [<http://www.newsarmenia.ru/arm1/20060419/41552277.html>]).

⁷¹ См.: Лункин Р. Протестантизм и глобализация на просторах Евразии. В кн.: Религия и глобализация на просторах Евразии / Под ред. А. Малашенко, С. Филатова. Моск. Центр Карнеги. М.: Неостром, 2005. С. 104—105.

⁷² См.: Интервью тогдашнего министра национальной безопасности Азербайджана Н. Аббасова бакинской газете «Эхо» от 9 августа 2003 года.

от Ливана до Азербайджана, потому что глубокие исторически сложившиеся противоречия между суннитами и филоперсами «раскалывают» мусульманскую умму в геополитическом отношении.

Религиозная составляющая традиционно присутствует и во внешней политике **Исламской Республики Иран**. Претендуя на роль политического лидера в мусульманском мире, Иран заинтересован в сохранении своих позиций на Кавказе и в сдерживании турецкого влияния в Центральной Евразии. Сохранение статуса региональной державы обещает Ирану участие в крупных транснациональных проектах и прорыв внешнеэкономической изоляции. С другой стороны, усиление независимого Азербайджана может привести к росту националистических настроений среди иранских азербайджанцев, что несет потенциальную угрозу территориальной целостности государства⁷³. Руководство ИРИ весьма болезненно реагирует на сотрудничество между Азербайджаном и США в экономической и военно-технической сфере и на политическое сближение своего северного соседа с Израилем. Не радует Тегеран и стратегическое сближение режима М. Саакашвили с американцами. Попытки противопоставить этому альтернативную ось Тегеран — Ереван — Москва дают лишь временные результаты и не сулят Ирану долгосрочных дивидендов, да и в самом Тегеране с недоверием относятся к обещаниям со стороны Кремля⁷⁴. Не имея стратегических союзников, Иран отчаянно использует свой экономический, культурный и демографический потенциал для расширения своего присутствия в регионе, однако рычагов влияния на текущие процессы явно не хватает. В такой ситуации возрастание политической напряженности на Кавказе вполне на руку муллократическому режиму.

Где и как Тегеран может разыграть свою «религиозную карту»? Безусловно, прежде всего в Азербайджане с его преимущественно шиитским населением. В первой половине 1990-х годов война в Нагорном Карабахе и сложная экономическая ситуация развязали руки иранским миссионерам, в чьих проповедях отчетливо просматривалась революционная риторика. Однако после усиления централизованной власти в Азербайджане (с этим совпала и корректировка внешнеполитического курса в самом Иране, особенно после прихода к власти М. Хатами) идея «экспорта» исламской революции в Азербайджан отошла на второй план. После ареста лидеров Исламской партии Азербайджана в 1995 году деятельность клерикалов на политической арене оставалась практически незаметной до президентских выборов 2003 года, когда один из активистов шиитской общины гаджи Ильгар Ибрагимовлу открыто поддержал лидера оппозиции Ису Гамбара. Этот эпизод обнажил процессы, происходящие внутри шиитского сообщества, и показал, что на сегодняшний день оно не способно влиять на политическую ситуацию в Азербайджане. Вместе с тем сторонники «иранского ислама» располагают широкой сетью религиозных общин практически во всех регионах страны и активно занимаются общественно-религиозной деятельностью. Значительный вклад в организацию шиитского движения вносят Иранский культурный центр и Фонд помощи имама Хомейни. 19 августа 2008 года, после теракта в столичной мечети «Джума» Наримановского района, группа шиитских деятелей публично осудила это преступление, «противоречащее мусульманской идентичности». Под заявлением, опубликованным новостным порталом Day.az, стояли подписи более чем сорока руководителей религиозных общин и общественных объединений⁷⁵.

Таким образом, Тегеран не оставляет попыток создать в Азербайджане жизнеспособную исламскую оппозицию, которая сдерживала бы распространение правонационалистических идей, ориентирующих на сближение с Турцией, и светской прозападной иде-

⁷³ Согласно «CIA World Factbook», численность азербайджанцев в Иране составляет около 16 млн человек [https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/ir.html]. Эксперты UNPO называют цифру до 30 млн человек [http://www.unpo.org/content/view/7884/144].

⁷⁴ См.: *Majidyar A.* Russo-Iranian Relations from Iran's Perspective, 20 May 2009 [http://www.irantracker.org/analysis/russo-iranian-relations-irans-perspective].

⁷⁵ Впоследствии заявление было снято с указанного ресурса.

ологии. Вместе с тем откровенно клерикальная риторика иранских миссионеров за последний десяток лет трансформировалась в призывы к межкультурному диалогу. Многочисленные культурно-образовательные программы, осуществляемые Иранским культурным центром и частными фондами, способствуют продвижению персидского языка, налаживанию обмена студентами между вузами Ирана и государств ЦК, созданию позитивного образа ИРИ и ее политического строя⁷⁶. Показательно, что при политической и финансовой поддержке Ирана в Ереване была восстановлена Голубая мечеть, построенная правителем Эривани Гусейнали-ханом Каджаром в 1766 году.

В геополитической стратегии Турции религиозный контекст значительно уступает идее возрождения общетюркской идентичности. Тем не менее протурецкие исламские течения (международная религиозная сеть последователей Саида Нурси и суфийские тарикаты с центрами в Турции) вносят весомый вклад в укрепление международного авторитета Анкары и сдерживают рост иранского влияния. Умеренный характер этих течений и их демонстративно уважительное отношение к светским устоям государственности до недавнего времени обеспечивали им снисходительное отношение властей в Азербайджане, как, впрочем, и в других постсоветских государствах. Ситуация стала меняться после уверенной победы Партии справедливости и развития на парламентских выборах в Турции в ноябре 2002 года. Призывая к либерализации религиозной сферы и ослаблению роли армии в политической жизни страны, функционеры партии создали себе имидж мусульман-модернистов, ориентированных на сближение с Западом. Опасения интернационализации «феномена Эрдогана» — преуспевающего светского политика с мусульманским мировоззрением — стали поводом для преследования турецких миссионеров и закрытия протурецких религиозных объединений на постсоветском пространстве. По словам бывшего директора ФСБ РФ Н. Патрушева, только в 2002 году в России была пресечена деятельность более чем 50 функционеров движения нурсистов⁷⁷. В мае 2007 года Коптевский районный суд г. Москвы объявил ряд книг Саида Нурси экстремистской литературой, а 10 апреля 2008 года Верховный суд РФ причислил международную организацию нурсистов к числу экстремистских.

В Азербайджане тоже был ужесточен контроль над деятельностью протурецких религиозных групп, которые подозреваются в стремлении проникнуть во властные органы. В ноябре 2007 года шейхульислам А. Пашазаде даже поставил нурсистов в один ряд с «радикальными ваххабитами», подчеркнув, что их деятельность вредит интересам ислама⁷⁸. В октябре 2007 года правоохранительными органами Азербайджана был задержан заместитель председателя Независимой партии Турции Мехмет Харун Каяджи, который позднее был приговорен к исправительным работам за противозаконную религиозную пропаганду⁷⁹, а в апреле 2009 года в Баку под предлогом ремонта была приостановлена деятельность мечети «Шехидляр» и религиозного центра последователей турецкого шейха Сулеймана Хильми Тунахана (ум. в 1959).

Турецкие власти пока избегают комментировать действия азербайджанских коллег, не давая повода увязать религиозную проповедь с политикой Анкары. По словам советника посольства Турецкой Республики в Азербайджане М. Шахина, судьба мечети «Шехидляр» зависит от азербайджанских чиновников, и турецкая сторона не полномочна вмешиваться в такие вопросы⁸⁰. Невозможному спокойствию влиятельного турецкого лобби в Азербайджане, которое вряд ли безразлично относится к происходящему, есть и другие объяснения. Во-первых, ограничительные меры были приняты исключительно в

⁷⁶ См.: Касымов Р.А. Политика Ирана в закавказских государствах [<http://www.iimes.ru/rus/stat/2005/15-05-05a.htm>].

⁷⁷ См.: Кавказский узел, 11 апреля 2008 [<http://www.kavkaz-uzel.ru/newstext/news/id/1211850.html>].

⁷⁸ Агентство Тренд, 16 ноября 2007 [<http://az.trend.az/news/society/religion/1077128.html>].

⁷⁹ Агентство ANS PRESS, 23 мая 2008.

⁸⁰ Агентство APA, 28 августа 2009.

отношении лиц и структур, нарушавших местное законодательство в сфере свободы вероисповедания; во-вторых, разветвленная сеть протурецких общин пока не понесла ощутимого урона.

Из всех геополитических «игроков» в регионе **Российская Федерация** меньше других заинтересована в изменении баланса религиозных сил. Не имея возможности предложить государствам региона экономическую помощь, соизмеримую с инвестициями Запада, Кремль готов пойти на любые меры для удержания ЦК в сфере своего влияния. Россия не желает видеть армейские подразделения США и НАТО в своем «мягком подбрюшье» еще и потому, что безопасностью новых коммуникационных проектов, связывающих Каспийский бассейн со Средиземным морем, угрожает стратегическим интересам РФ на энергетическом рынке Европы. Затянувшиеся конфликты в Нагорном Карабахе, в Абхазии и в Южной Осетии постоянно грозят перейти в активную фазу, и это заставляет мировое сообщество считаться с мнением России, которая уже продемонстрировала готовность прийти на помощь «обиженной» стороне. В интересах России, чтобы неопределенность в ЦК сохранялась до тех пор, пока Кремль не получит возможность реализовать в регионе свой собственный геополитический проект. Поэтому российским стратегам совершенно не выгодно, чтобы политические процессы в трех соседних государствах приобретали дополнительный религиозный контекст. Одним словом, позиция России в отношении религиозных трендов в ЦК в значительной мере компенсирует влияние других внешних сил.

Активно сотрудничая с РПЦ внутри страны, российские власти поощряют развитие диалога между МП и традиционными духовными лидерами постсоветских государств, особенно в странах ЦК. Православные приходы в регионе не занимаются прозелитизмом и способствуют поддержанию культурных связей между местным духовенством и МП. В таких условиях усиление нетрадиционных конфессий — показатель смещения вектора общественного развития не по российскому сценарию. Однако среди всех нетрадиционных течений в ЦК наибольшую обеспокоенность у российских аналитиков вызывают салафиты. Очевидно, потому, что именно сторонники «пуританского» ислама составляют ядро радикального исламского сопротивления на Северном Кавказе. На наш взгляд, у азербайджанских властей гораздо больше поводов для беспокойства в связи с радикализацией мусульман на Северном Кавказе. В первой половине 1990-х годов салафитское движение в Азербайджане развивалось независимо от северокавказского, но вторая чеченская война послужила импульсом для радикализации части салафитов и в Азербайджане. Сегодня настроения азербайджанских салафитов и «отпочковавшихся» от них хариджитов во многом определяются активностью их единомышленников на Северном Кавказе, но не наоборот. К сожалению, объявив войну религиозному экстремизму, Кремль держит руку на пульсе региональной системы безопасности, но не предпринимает мер для устранения подлинных причин радикализации мусульман. По словам А. Малашенко, в Чечне, Дагестане и Кабардино-Балкарии царит полный беспорядок, на фоне которого терроризм — это месть и единственная возможность выразить оппозиционные настроения. Сложившаяся ситуация, как считает эксперт, устраивает власти, которые не знают, как решать свои проблемы, и ограничиваются принятием силовых мер⁸¹.

З а к л ю ч е н и е

Избавившись от эйфории религиозного пробуждения начала 1990-х годов, государства ЦК приступили к дифференциации отношений с традиционными и нетрадиционными

⁸¹ Об этом российский исламовед заявил на семинаре «События на Кавказе: пропаганда или объективность?», прошедшем в Московском Центре Карнеги 14 сентября 2009 года [<http://www.polit.ru/news/2009/09/15/malashenko.html>].

ми конфессиями, учитывая задачи нациестроительства и объективные потребности общества. Власти весьма ревниво относятся к попыткам внешних сил повлиять на религиозную ситуацию и зачастую игнорируют давление международных организаций, защищающих интересы отдельных конфессий. На нынешнем этапе векторы государственной политики в отношении религиозных и этнических меньшинств в Азербайджане, Грузии и Армении разнонаправленны, потому что каждое из трех государств по-своему отвечает на глобальные и региональные вызовы. В Азербайджане сделана ставка на десакрализацию общественных отношений и пресекаются любые попытки клерикализации государства и публичной сферы. В Грузии христианство не рассматривается как препятствие для европейской или евро-атлантической интеграции и созданы условия для расширения материальной и социальной базы ГПЦ. В практически моноэтнической Армении ААЦ пользуется исключительными привилегиями и остается гарантом «армянской идеи» независимо от политического курса властей. Сохранение этих тенденций в ближайшее десятилетие — весьма вероятный сценарий развития религиозной ситуации (если регион не будет вовлечен в новый передел Ближнего Востока).

Альтернативный путь развития — политическая, экономическая и цивилизационная интеграция ЦК. Участие в транснациональных проектах, опыт политической интеграции европейских государств и возможности, которые открываются перед объединенным «кавказским домом», стимулируют сближение центральнокавказских государств. О необходимости превращения Кавказа в «единый организм» часто говорят главы Азербайджана и Грузии⁸². Но сегодня космополитические ценности разделяют лишь малочисленные элитарные группы, пользующиеся благами глобализации, а для разрешения межэтнических противоречий нужно быть готовыми к глубокому изменению роли этнических и конфессиональных стереотипов в национальном самосознании. Сумеют ли соперничающие этносы преодолеть «синдром самоопределения»? Возможна ли устойчивая наднациональная идентичность на Кавказе? И какую форму примет конфликт интересов между духовенством и государством в случае примата «общекавказского» над «национальным»? Эти дискуссионные вопросы остаются открытыми. Пока же можно констатировать, что актуализированные этнотерриториальные конфликты в регионе далеки от разрешения, а противоречия между другими этническими группами легко могут перерастать в новые конфликты.

В современных геополитических условиях возможен и третий сценарий. Стремление США добиться тотального экономического и технологического превосходства над конкурентами все больше угрожает миру на Ближнем Востоке. Военные действия против Ирана — центрального государства так называемой «оси зла» — обещают загрузить американские производственные мощности, дать новый импульс технологическому развитию страны и, что не менее важно, создать энергетические проблемы для Германии, Японии, Китая и других глобальных конкурентов. Для государств ЦК война в Иране может обернуться гуманитарным кризисом, который приведет к росту националистических и фундаменталистских настроений. В таких условиях властям придется думать, как отвести внешнюю угрозу, а перспективы региональной интеграции станут весьма призрачными. Труднее всего оценить политические и социокультурные последствия притока иранских беженцев в Азербайджан. Очевидно, на волне исламской солидарности резко возрастет популярность независимых шиитских лидеров, а попытки секуляризировать общественное сознание станут все менее популярными. Вероятно и обострение межрелигиозных противоречий в соседних Грузии и Армении.

⁸² В частности, президент Азербайджана И. Алиев акцентировал на этом внимание, выступая на открытии центральной мечети г. Баку «Тезе-пир» 6 июля 2009 года, а президент Грузии М. Саакашвили — на встрече с профессорско-преподавательским составом и со студентами Ереванского государственного университета 25 июня 2009 года.

Как видим, будущее религиозной ситуации на Центральном Кавказе в среднесрочной перспективе весьма туманно. Несмотря на стремление политических режимов самостоятельно определять пределы светскости и приоритеты государственно-конфессиональных отношений, по большому счету государства региона очень уязвимы перед внешними факторами. При условии сохранения мира в регионе они имеют шанс на политическую интеграцию и полноценное участие в глобальных проектах. Но сумеют ли они преодолеть существующие противоречия и вырасти в самостоятельный субъект мировой политики, покажет время.

Любовь СОЛОВЬЕВА

*Кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник отдела
Кавказа Института этнологии и антропологии
Российской академии наук
(Москва, Российская Федерация).*

АБХАЗО-ГРУЗИНСКИЙ КОНФЛИКТ: ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ ВЗАИМОСВЯЗЕЙ

Р е з ю м е

В статье рассматриваются особенности этнокультурных взаимосвязей грузин и абхазов на примере исторического региона Самурзакано (современный Гальский/Галский район). На основе архивных и литературных материалов анализируются происшедшие здесь миграционные, этнокультурные, этноязыковые процессы.

В этом регионе — в зоне абхазо-грузинского этнического пограничья — на протяжении столетий формирова-

лись тесные контакты двух соседних народов — абхазов и грузин/мегрелов, активно взаимодействовали культуры этих народов. Приведенные сведения позволяют сделать вывод, что причина абхазо-грузинского конфликта — не различия в менталитете абхазов и грузин, которые, живя в течение столетий по соседству, доказали возможность мирного сосуществования, но губительная и недальновидная политика властей.

В в е д е н и е

Абхазо-грузинский вооруженный конфликт, один из наиболее тяжелых на постсоветском пространстве по своим последствиям, вновь и вновь привлекает пристальное внимание исследователей. При решении вопроса о причинах и поводах войны 1992—1993